

Мстислава Чёрная Злодейка в деле

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69785050
0101*

Аннотация

Угодила в мир книги, в тело второстепенной героини, обречённой на бесславный конец? Вот уж нет! Я брошу вызов судьбе, перепишу историю и докажу, что принцессу напрасно считают бесполезной. Раз уж я злодейка, может быть, мне перевернуть империю вверх дном?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	36
Глава 4	48
Глава 5	69
Глава 6	99
Глава 7	108
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Злодейка в деле

Автор: Мстислава Чёрная

Глава 1

– Ты мне не мать! – в запале кричит Даша и сбрасывает вызов.

Я тяжело вздыхаю. Рука тянется набрать повторно, и хочется, если честно, накричать в ответ, но я напоминаю себе, что Даша тяжёлый ребёнок, и прячу телефон в карман, подальше от соблазна. А чтобы отвлечься, ложечкой подцепляю опавшую пенку остывшего каппучино, слизываю. Пузырьки пенки лопаются на языке, а интерьер кофейни расплывается перед глазами. Я смаргиваю пелену слёз. Я взрослая, мне не положено обижаться и плакать, верно? Но я ведь не железная...

Мне очень больно.

Семь лет назад Даша отпраздновала свой четырнадцатый день рождения с друзьями и ехала с родителями домой. На встречу вылетела фура. Лобовое столкновение. Её родители, мои сестра и зять, погибли на месте. Даша, сидевшая, на заднем сиденье выжила. До приезда скорой и спасателей она оставалась в сознании. Мне даже думать страшно, что она пережила, зажата в смятом автомобиле. Чудо, что она со-

хранила рассудок.

Естественно, я не могла допустить, чтобы Даша попала в детский дом. Я оформила опеку, и поначалу мне удалось наладить отношения. Мне казалось... Даша вела себя тихо, пришибленно, подолгу таращилась пустым взглядом в стену, послушно занималась с психологами, часто плакала. Когда ближе к восемнадцати она вдруг взбунтовалась, я искренне обрадовалась. Решила, что ребёнок оттаивает, что начался запоздалый переходный период, что со временем всё устаканится, наладится. Наивно... У нас с Дашей шесть лет разница, и воспитателя из меня не получилось. Хах, какой воспитатель? Я тогда сама девчонкой была. Взвалила на себя ношу, с которой не справилась. Даже роль старшей подруги не осилила.

Я звякаю ложечкой о блюде, поднимая чашку обеими ладонями и делаю глоток. Остывший кофе горчит.

Определенно, пора что-то менять. Добавить сахару, купить билет на самолёт. Сколько можно? Ради Даши я бросила институт, отказалась от карьеры и долго работала курьером на полставки. Это было моё решение, мой выбор. Но, чёрт побери, дальше так продолжаться не может.

– Боже-боже! – вскрикивает шатенка за соседним столиком.

Я недовольно морщусь на нарушительницу покоя, поворачиваю голову и не верю своим глазам. Сбоку валят густые чернильно-чёрные клубы, дым с поразительной быстротой

заполняет зал. По ушам ударяют крики заметивших неладное людей и грохот опрокидываемой мебели.

Крики перекрывает вой сирены, а между завываниями с потолка раздаётся голос администратора:

– Уважаемые посетители торгового центра, это не учебная тревога. Просьба как можно скорее проследовать к аварийным выходам и покинуть здание. Повторяю, это не учебная тре...

Объявление обрывается на полуслове. Теперь сирена воет не переставая. Люди разбегаются.

Лифтом при пожаре пользоваться нельзя. А эскалатором? Люди в панике мечутся во всех направлениях. Огня не видно, но дыма всё больше и больше. Я пригибаюсь к полу, воротом блузки закрываю нижнюю половину лица и со всех ног бегу к нормальной бетонной лестнице, но почему-то упираюсь в тупик с магазином игрушек.

– Помогите, кто-нибудь!

Воет сирена.

Я захожусь в приступе сухого кашля, пытаюсь сообразить, где я ошиблась и почему свернула не туда. Получается, я проскочила аварийный выход? Я слышу крики вдалеке, но рядом никого. Я мешкаю в тщетной попытке схватить побольше воздуха. Выход должен быть рядом... Ноги предательски подкашиваются, голова кружится от недостатка кислорода, я уже не иду, а ползу. В дыму ничего не видно, словно на коридор напала ночь.

Мне не выбраться, да? Где бы ни прятался выход, сейчас я бодаюсь со стеной. Я задыхаюсь от кашля.

Дрожащими пальцами я вытаскиваю телефон:

– Ну же, не сбрасывай. Алло, Даша? Послушай, я не хотела тебя обижать. Мне жаль, что я тебя расстроила. Я хочу, чтобы ты знала, что несмотря ни на что, я люблю тебя. Всегда любила.

– Э-эй, что на тебя нашло?!

Ура, не сбросила!

Я всхлипываю и широко улыбаюсь сквозь слёзы.

– Даш, тут в магазине пожар, а я, представляешь, заблудилась, – я продолжаю шарить по стене в поисках аварийного выхода, ползу, но поговорить в последний раз мне кажется важнее, чем преодолеть лишние пару метров. – Глупо, да? Послушай, я правда тебя очень люблю. Между нами было много всякого разного, – я захлёбываюсь словами, торопясь высказаться.

– Прекрати! Это нечестный приём! Я не буду пить и приеду вовремя, только прекрати!

– Даш, знай, что я никогда ни в чём тебя не винила. Больше никаких запретов. Я только прошу тебя, береги себя и проживи счастливую долгую жизнь. Я люблю тебя.

Руки и ноги больше не слушаются. Телефон выскальзывает из пальцев, перед глазами темнеет.

– Эй! Алло!

Даша на том конце паникует. Бедная девочка. Прощай...

Всё, что я могу, это представить, как обнимаю её. И вдруг происходит что-то странное. Дымовую штору кто-то сдёргивает, и я оказываюсь на незнакомой дачной веранде. Повсюду бутылки, пустые и ещё полные – это первое, что бросается в глаза. Небритый парень завалил постанывающую девицу в углу прямо на дощатый пол и совершенно не стесняется зрителей. Две крашенные блондинки с одинаковым пирсингом в носу пьют прямо из горлышек. Четверо, матерясь, режутся в карты.

– Алло! Ответь же!

Я бросаюсь к Даше. Она за время разговора спустилась в сад и остановилась у старой яблони с растрескавшейся корой.

– Я здесь! – зову я.

Она не слышит, продолжает кричать в телефон.

– Даха, греби сюда! – одна из блондинок машет недопитой бутылкой.

– С тётей что-то случилось. Алло же!

– Да чтоб она сдохла уже!

Даша вздрагивает, будто её ударили, мотает головой.

И вдруг произносит то, чего я не ожидала:

– Тётя, прости, я тоже люблю тебя.

– Даш, я же здесь, не плачь. Посмотри, я в порядке, – я протягиваю руку, хочу погладить Дашу по плечу, привлечь внимание прикосновением, но пальцы проходят сквозь одежду, будто я не я, а голограмма.

Я испуганно отдёргиваю руку. Что за чёрт? Оказавшись на веранде, я не дала себе труда задуматься, но ведь мгновенное перемещение – это абсурд. И дружки Дашины, ни сама Даша меня не замечают, хотя я стою открыто у всех на виду.

– Даха! – орут с веранды.

Даша вздрагивает на каждый окрик, но стоит.

То, что я вижу дальше, повергает меня в ужас. На шее у Даши дёргается чёрная петля, а конец поводка тянется на веранду. И я ни секунды не сомневаюсь, что петля не возникла прямо сейчас, она существует очень давно, возможно, с того самого дня трагедии.

Откуда я знаю? Это способности привидений? Хотя, учитывая, что меня никто не видит, наверное, правильное считать себя неупокоенным духом. Да какая разница?! Меня заботит сейчас не собственная смерть и не посмертие, которое я всегда считала утешительной выдумкой.

Если Дашу коснуться я не могу, то петлю подхватываю с необычайной лёгкостью. Чернота ошпаривает пальцы, контуры ладоней с тихим, слышимым мне одной шипением начинают растворяться, но я тяну узел. Я не сразу замечаю охватившее мои пальцы розовое сияние, оно испаряет черноту.

Прекрасно – я могу уничтожить и петлю, и поводок. И я это делаю!

– Даха, говорю!

– Да пошли вы! – рывкает освобождённая Даша. В сторо-

ну дружков она теперь смотрит с ужасом и гневом.

Я обнимаю её со спины, целую в щёку и делаю то последнее, что могу. Встряхиваю розовый свет как пуховое одеяло, и окутываю им Дашу. Теперь моя любовь с ней навсегда, как и моя защита.

Я отступаю улыбаясь. На меня накатывает волна слабости. Когда-то я читала фэнтези, и там, привидение, потратившее слишком много энергии, развоплощалось навсегда. Я снова смотрю на свои руки. Ну вот, я таю, как пломбир в июле. Я чувствую, что моё время подходит к концу, но я вполне счастлива.

– Тётя, я люблю тебя! – кричит Даша в телефон. – Живи, пожалуйста!

– Всё будет хорошо, Даш.

Меня ослепляет вспышка. Последнее, что я вижу – как вместе с выкриком от Даши вырывается свет, не моё розовое одеяло, а её собственный, перламутровый, завораживающе-прекрасный, подхватывает меня и сдувает, как летний ветерок пушинку одуванчика, а Даша бросается прочь с дачи.

Неожиданно, но я не исчезаю.

Когда я открываю глаза, я обнаруживаю себя вполне телесной, лежащей на безразмерной кровати. Чешется левая пятка, а под ладонью ощущается что-то приятное, шелковисто-скользкое, прохладное. Приподнявшись на локте, я осматриваюсь.

Я попала то ли в снежное море, то ли в гущу взбитых сливок. А как ещё назвать пушистую перину и не менее пушистые подушки в количестве... штук пять, не меньше. И всё это затянуто в ароматный белоснежный шёлк. После гари и дыма вдыхать лёгкий цветочный флёр особенно приятно.

Глаза довольно быстро устают от однообразия – комнату скрывает плотный полог, я сижу в постели, как в коконе.

Странно...

Любопытно и капельку неловко, потому что это явно чужая постель. Я приподнимаюсь на локте. Подол сорочки успел задраться и обнажить костлявую коленку. С каких это пор у меня ноги кузнечика? Да и руки... излишне тощие. Хм. Первое ошеломление проходит, и мысли возвращаются к Даше. Конечно, есть вероятность, что я лежу в ожоговом отделении и вижу слишком реалистичный сон, но я бы на это не рассчитывала. Даша... Ей будет тяжело, но я верю, что она справится и прислушается к моим последним словам, не зря же я от петли избавилась. Мне, кстати, тоже стоит последовать собственному совету – жить долго и счастливо. Я здесь, потому что Даша напоследок от всей души пожелала “живи”? Пока нет другой информации, буду считать так.

Я мысленно отправляю Даше последнюю прощальную улыбку. С Дашей осталась моя любовь, Даша справится. А я не имею права пустить по ветру подаренный мне шанс.

Решительно отдёргнув полог, я спускаю босые ноги на пол, в новую жизнь, и встаю.

– Вау.

Огромное пространство, выдержанное в бело-голубых тонах, встречает меня простором, мягкой мебелью и причудливым трюмо. Ворс паласа приятно щекочет стопы, и я устремляюсь к зеркалу, чтобы воочию подтвердить свои подозрения.

В стекле отражается юная блондинка, на вид лет восемнадцать-девятнадцать. Цветущая, розовощёкая, на мой вкус чрезмерно худая, но это уже мелочи, ведь главное – я жива! И, судя по интерьеру, весьма состоятельна. Не крестьянка, не уборщица.

– Ваше высочество, доброе утро, – дверь открывается, и в спальню, не дожидаясь разрешения, входит девчушка, одетая в голубое платье, словно нарочно подобранное в тон интерьеру.

Пышный передник и чепчик на голове намекают, что пришла служанка.

– Хм? – единственный звук, который мне удаётся издать.

Внешний мир вторгся в мой кокон, когда я морально к этому ещё совершенно не готова.

Служанка то ли не замечает моё недовольство, то ли игнорирует, и продолжает восторженно щебетать:

– Как хорошо, что вы проснулись, ваше высочество! Император передал, что уже ждёт вас.

Император?! Финиш... Или, вернее, нокаут.

Приготовления проходят как во сне. Единственная мысль,

которая всё это время бьётся в моей голове — притвориться больной. Но здравый смысл побеждает. Я понятия не имею, как император отреагирует на мою отговорку. Вероятно, пришлёт врача, а тот разоблачит обман. Нельзя так сходу подставляться, а значит, не идти тоже нельзя. Да и, прячась за пологом кровати, сколько ни оттягивай, подготовиться к встрече я не сумею.

Не знаю как, но буду импровизировать.

— Как вам, ваше высочество? Вам так идёт, вы особенно восхитительны, — служанка закалывает мне причёску несколькими крупными гребнями и отступает на шаг, чтобы я могла оценить результат её усилий.

Из предложенных вариантов я наугад ткнула в нежно-лиловое с синими вставками платье и должна признать, что оно действительно мне к лицу. Служанка льстит, но не врёт.

— Годно, — поджимаю я губы, плохим настроением маскируя нежелание много говорить, потому что болтовнёй я себя непременно выдам.

Комплименты я пропускаю мимо ушей. Ещё раз оглядевшись, я выбираю двустворчатые двери, ведь ни в купальню, ни в гардеробную мне не нужно. Какое помещение скрывается за третьей неприметной дверцей, я не знаю, но вряд ли мне надо туда.

Служанка следует за мной, отставая на пару шагов, удивления не выражает, то есть направление я выбрала верное. Когда я приближаюсь к створкам, служанка меня обгоняет.

Затылком не поворачивается, держится полубоком и распаивает обе створки.

Я выхожу... Будуар, вероятно? На гостиную похоже. Если в спальне просторно и царит минимализм, но в стиле роскоши, то здесь, практически, захламлено. От всевозможных кресел, столиков, напольных ваз и комодов до одури тесно.

– Доброе утро, ваше высочество!

Ух, я в нагромождении мебели и антиквариата умудрилась проморгать девушек, причём не одну, а сразу двух.

Я прищуриваюсь. Чепцов нет, платья в синей гамме, но не как у служанки простое и строгое, а нарядные, между собой платья отличаются и оттенками, и фасоном, и отделкой. Серёжки в ушах, волосы собраны и заколоты.

Принцессам полагаются фрейлины, верно? Девушки выглядят юно, моложе моего отражения. Наверное, им лет пятнадцать-шестнадцать.

Пока я размышляю, они стоят, склонившись в реверансе.

– Доброе утро, – запоздало отвечаю я.

Фрейлины, пока буду мысленно называть их так, несмело выпрямляются. Та, что слева, бросает на меня из-под ресниц опасливый взгляд. Не поняла... Они опасаются саму принцессу или промедление с ответным приветствием означает немилость? Как бы то ни было, у меня нет времени разбираться – император ждёт.

Служанка остаётся в будуаре. Вторые двери открывают фрейлины, они же берут на себя роль свиты.

– Принцесса, его императорское величество ожидает вас в Лазурной столовой, – подсказывает “левая”, только от подсказки легче не становится.

Я, почти не обращая внимания на интерьеры, прохожу анфиладу залов и, попав в огромный вестибюль, теряюсь. Укрытая ковром лестница, вероятно, парадная, убегает вниз. А мне куда? Я кошусь на фрейлин, но без толку, обе смотрят в пол. Спрашивать опасно – вызову подозрения. Я отчётливо понимаю, что признание в своём перерождении не приведёт ни к чему хорошему: запрут, как умалишённую, отправят на костёр...

По пути я никого не встретила, дворец поразительно пуст.

Я могу ошибаться, но... Званный ужин и семейный завтрак, по идее, должны проходить в разных столовых. Опять же, если бы столовая была одна, фрейлины бы не уточняли, в какой именно меня ждут. И если званный ужин я легко могу представить на первом этаже, то семейный завтрак – нет. Я устремляюсь в широкий коридор.

Затянутые в бордовые мундиры караульные гвардейцы, щёлкнув каблуками, отдают мне честь.

Хм...

В коридоре вновь безлюдно, но у одной из боковых ничем не примечательных дверей снова стоит караул. Это подсказка?! Я приближаюсь, и вновь гвардейцы приветствуют меня, беспрепятственно пропускают. Я попадаю в небольшое помещение. На ум сразу приходят тамбур или предбанник.

Краем глаза я замечаю, как фрейлины отступают к стене, а дежурящий у очередных дверей лакей кланяется мне, распахивает створки и громогласно докладывает:

– Прибыла её императорское высочество принцесса Кресида Небесная!

Как-как?! Я уже знаю это имя... Но таких совпадений не бывает!

Глава 2

Император в той истории описывался синеглазым блондином, неизменно носящим три кольца – одно с сапфиром, родовое, второе серебряное, надетое ему на левый мизинец потерянной первой женой, третье обручальное, символ второго брака. Если и внешность, и кольца совпадут, то я не знаю, что и думать.

Разве любовное фэнтези не вымысел? Принцесса Крессида Небесная второстепенная героиня романа, который я читала пару недель назад.

Каменную столешницу удерживает изваяние свернувшегося клубком дракона. Завтрак накрыт, но император до сих пор не притронулся к приборам. И да, он блондин с глазами цвета грозового неба, ошибка исключена. Статный, атлетичного телосложения, выглядит лет на тридцать, хотя гораздо старше. По спине пробегают мурашки. Сглотнув, я приседаю в реверансе и разом отмечаю все вопросы – как я могла стать иномирной принцессой, откуда я знаю язык и куда делась душа настоящей Крессиды. Прямо сейчас ответов мне не найти, а значит не о чем беспокоиться.

– Доброе утро, Креси.

– Доброе утро... отец.

Лакей отодвигает для меня стул.

Неужели я единственная приглашённая? Роман был на-

писан с точки зрения главной героини, рядовой дворцовой горничной, как водится в любовных романах, получившей сердце принца и трон в придачу. Императорские завтраки в истории едва ли упоминались.

Что я помню... Император требователен к сыновьям, до сих пор в душе скорбит по горячо любимой безвременно ушедшей первой супруге, пренебрегает второй женой, с которой его связала исключительно политическая необходимость, не любит рождённого от неё младшего принца и обожает принцессу Кресси, унаследовавшую мамину внешность. Принцессу он всячески балует, потакает любым капризам. Надо ли говорить, что девочка выросла маленьким чудовищем? По крайней мере именно так представлялось в романе.

Кресси ждёт жалкий конец. Император будет убит, а на трон в результате переворота взойдёт не наследный принц, а младший. Он подпишет мирный договор с кочевниками и выдаст Кресси в гарем их вождя. Ночи с грубым варваром, работа по хозяйству днём, издёвки старших наложниц, циновка в шатре вместо многокомнатных обогреваемых апартаментов... В романе не упоминалось, но едва ли принцесса выжила.

То есть, моя прекрасная новая жизнь под угрозой?! Хах, главной героине придётся потесниться. Я не против её счастья с младшим принцем, но не за мой счёт, ага.

– Кресси, не злись. Я отдам тебе лазурную ленту, хорошо?

А?

Меня бросает в холодный пот.

Я склоняю голову к плечу:

– Я доставляю много хлопот, да? – вопрос совершенно не в стиле капризной принцессы, но я задаю его сознательно.

– Кресси...

Ориентир получен – Большой рыцарский турнир состоялся в начале действия романа.

По традиции победителя награждает первая леди империи. Если император не женат, то ленту победителю вручит его ближайшая родственница или супруга главы Совета лордов. Но император женат, и позволить мне провести церемонию означает унижить и оскорбить императрицу.

– Тебе не нужно беспокоиться, Кресси, – мягко улыбается он, кажется, в самое сердце тронутый моей внезапной заботой.

– Папа, ты лучший!

Должна ли я найти способ отказаться?

Принцессу осудят все: аристократы, рыцари, простолюдины. Разумеется, никто не осмелится упрекнуть её открыто, но будут шептаться за спиной. Если честно, уже шепчутся. Репутация у принцессы настолько скверная, что никто не вступится, когда варвар захочет забрать её в залог мира.

Младший принц запомнит очередную обиду, нанесённую его матери...

Определённо, участие в церемонии – это то, что нужно!

Чтобы очистить доставшуюся мне репутацию не хватит и тонны отбеливателя. Ситуацию исправит литр чёрной краски. Моя задача не снискать всеобщую любовь, а обыграть заговорщиков, поэтому принцесса будет ужасна...

– Па-ап?

– Да, Кресси?

– Раз уж я буду на турнире, то можно мне завести себе, – нет, не щеночка, – чёрного рыцаря?

Император смотрит на меня удивлённо:

– Кресси, почему бы не выбрать сапфира?

Потому что сапфировые рыцари служат непосредственно императору, они будут сопровождать меня по его приказу и без колебаний защитят даже ценой своих жизней, они лучшие из лучших, достойнейшие из достойных, но также они будут глазами и ушами его величества. Чёрные рыцари, часто низкого происхождения, бывшие наёмники, личности с тёмным прошлым и далеко не всегда они могут похвастаться мастерством, но они вверяют господину или госпоже свою судьбу и преданы до конца. Нарушить магическую присягу можно лишь ценой своей жизни.

– Хочу чёрного, – капризно объявляю я.

– Помнится, ты ими брезговала.

– Когда это было...

– Не далее двух дней назад, Кресси, – смеётся император.

Я надуваю щёки. Не знаю, насколько удачно у меня получилось скорчить обиженную рожицу, я присоединяюсь к

смеху.

Лакей меняет блюда, завтрак продолжается. Я отмечаю, что император ест быстро, и это придаёт мне толику уверенности. Раз император торопится, он не будет присматриваться к моим странностям, а их уже и так с переизбытком.

Ни чая, ни кофе, ни других напитков нам не подают. Император скрещивает ножик и вилку на тарелке и поднимается из-за стола. Я немедленно повторяю за ним.

– Спасибо, папа.

Поравнявшись со мной, он вдруг притягивает меня за плечи и по-отечески целует в лоб. Слишком неожиданно! И если обратиться к нему как к родителю я могу, не испытывая особых проблем, то прикосновение чужого в восприятии мужчины заставляет напрячься. Нельзя себя выдавать! Я крепко обнимаю императора в ответ. Он смеётся, чмокает меня в макушку, высвобождается:

– Прости, Кресси. Лорд Шеер просил принять его до заседания Совета.

– У-у-у..., – не помню такого кренделя в романе.

Я провожаю императора реверансом.

Когда я в одиночестве выхожу из столовой в “тамбур”, вижу своих фрейлин. Всё то время, что я была с императором они столбиками простояли у стены? Мда... Я прохожу мимо, притворившись слегка озабоченной. Возможно, девушки слышали смех, но не думаю, что они в курсе тихого разговора, а значит, очередную свою странность можно “свалить”

на императора.

В вестибюле у парадной лестницы я оборачиваюсь к фрейлине слева:

– Передай хранителю библиотеки, что мне нужны книги об истории дворца и отдельных залов.

В такой книге наверняка будет что-то похожее на план здания. Если я заблужусь по пути в рабочий кабинет его величества, например... Да я даже не представляю, как выйти в сад! Не буду о грустном.

– Да, ваше высочество, – девушка устремляется в обратную сторону.

Я бы и вторую фрейлину отослала, лишняя пара глаз мне ни к чему, но что это за принцесса без свиты? Отошлю чуть позже, когда доберусь до своих комнат.

Надо придумать, как выбраться из дворца... Сидя в комнатах, я заговорщикам не помешаю. Поделиться с императором? Вроде бы логично, но что у меня есть, кроме голословных обвинений? Скажу, что герцог хочет посадить на трон своего кровного внука? Что готовится покушение? В том-то и дело, что ничего нового я не сообщу, подробностей в романе не было.

– Ваше высочество, – испуганно выдыхает фрейлина.

Я настолько погрузилась в себя, что потеряла связь с действительностью.

На моём пути стоит смуглая брюнетка, окружённая стайкой девушек в нарядах зелёной гаммы. Брюнетка остано-

лась, а я-то продолжаю идти.

Я чуть не затоптала императрицу...

Я поджигаю губы и с видом, что делаю величайшее одолжение, здороваюсь:

– Доброе утро, ваше величество, – вместо реверанса лёгкий полупоклон.

– Доброе утро, принцесса Крессида.

Спокойное равнодушие заслуживает восхищения.

По-человечески... мне жаль императрицу. Она персонаж-луковица. Луковица в том смысле, что, когда я читала роман, мне казалось, что автор ввела её в повествование с одной единственной целью – выдавить из читателя скучную слезу. Домашняя тихоня, мягкая и уютная, выросшая в загородном поместье отца, с нулевым жизненным опытом, она была безжалостно брошена во дворцовый серпентарий на растерзание здешним змеючкам с принцессой в роли главной кобры. Император чувствовал себя попавшим в брачную ловушку, и новая супруга вызывала у него лишь глухое раздражение. Сейчас у неё нет ничего: ни тёплых отношений с мужем, ни, стараниями Кресси, авторитета среди придворных, ни власти. Её жизнь, её счастье – младший принц.

Я думаю, императрица могла бы выстроить с императором партнёрские отношения, но в том-то и фокус, что для этого нужен другой характер, другой взгляд на мир. Короче, нужно быть совершенно другим человеком.

Легко осуждать со стороны, со своего места. Я не осуж-

даю. Но и брать ответственность за страдания уже взрослой женщины не собираюсь. Меня интересует другое.

Во второй половине романа императрица будет убита.

Именно её гибель развернёт историю на сто восемьдесят градусов. “Я умоляла их пощадить её величество, но они сказали, что выполняют приказ наследного принца”, – расскажет тяжело раненная героиня. Младший принц, до этого категорически отказывавшийся от борьбы за трон, обвинит в убийстве старшего брата, героиня выступит на суде. Что угодно ставлю, что приказ отдал не наследный принц, а главный заговорщик: пожертвовал пешкой и получил ручного короля.

А значит безопасность императрицы – моя безопасность, придётся защищать. Опять же, хотя заговорщики не посвящали императрицу в свои планы, они крутились рядом, поддерживали, втирались в доверие.

– Если вы намерены увидеть отца, то его величество занят, – усмехаюсь я.

Звучит некрасиво и неумно, но в целом в стиле Кресси. Подтекст считывается на раз-два: император принял принцессу, но не императрицу.

Моя настоящая цель не унижить, а узнать, куда направляется её величество.

– Спасибо за заботу, принцесса. Я направляюсь с визитом в госпиталь Весенней надежды, над которым я несколько дней назад взяла попечительство.

Чего-то подобного я и ожидала. В романе говорилось, что императрица часто посещала школы, приюты, проводила благотворительные вечера. Как по мне, она просто сбегала из дворца, но это никоим образом не умаляет то хорошее, что она сделала.

Я окидываю её взглядом с головы до ног:

– Ох, вы так говорите, как будто это что-то значит. Пфф!

– Госпиталь получит деньги на приобретение лекарств, принцесса, – мягко отвечает императрица. – Безусловно, вы правы, что подобные мелочи не должны отвлекать вас от подготовки к церемонии вручения лазурной ленты.

Ха, а императрица не так проста, как мне казалось. Я слышу в её словах тщательно дозированный яд.

Я прищуриваюсь:

– Всего лишь приобретение лекарств. Столько шуму...

– Уверена, у вас получилось бы лучше.

Есть!

– Разумеется, – фыркаю я и оборачиваюсь к своей фрейлине. – Принеси для меня накидку и печать.

Как пройти в библиотеку, в смысле, как найти выход, мне, сама того не подозревая, покажет императрица. По поводу госпиталя у меня тоже мысли появились...

– Принцесса?! – императрица единственная вслух выражает всеобщее потрясение.

Даже моя фрейлина беспомощно моргает, словно мой простейший приказ не укладывается у неё в голове. Лёгкого

взмаха кисти хватает, чтобы девушка очнулась, поклонилась и бросилась добывать накидку и печать.

Накидку я запросила, потому что неприлично рассекать по городу в утреннем платье, а личная печать позволит мне не думать о деньгах. В романе говорилось, что среди аристократов обычная практика не платить, а подтверждать счёт. Позднее за меня заплатит помощник казначея. Разве не волшебство?

Фрейлина довольно быстро возвращается, и я, милости-во кивнув, пропускаю императрицу, чтобы пристроиться за её плечом, как и положено принцессе. Боги, почему императрица смотрит на меня, как на обезьяну с гранатой? Впору закатить глаза, но надо признать, чутьё императрицу не обманывает, я собираюсь устроить знатный переполох.

Я стараюсь не коситься по сторонам и запоминаю ориентиры, благо планировка относительно простая и логичная. До выхода через боковое крыльцо, как я мысленно его обозвала, я держусь паинькой, чем, по-моему, особенно нервную её величество.

Экипаж мне подают отдельный. Так быстро подготовили? Наверное, хорошо, что я не поеду бок о бок с императрицей, но нечего и мечтать о поездке в одиночестве. Фрейлина устраивается на сиденье лицом против хода движения и чинно складывает ладошки на коленях. Я отворачиваюсь к окну.

В романе фрейлины принцессы упоминались мельком, и

чаще представляли безликой свитой. Милая девочка напротив вполне может оказаться иностранной шпионкой, согла-дательницей заговорщиков или осведомительницей отца. Ха, предстоит учесть столько нюансов.

Карета покачивается. Ход относительно плавный, но ребристой брусчатке далеко до гладкости асфальта. Скорость черепашня. Я будто в столичной пробке увязла. Меня слегка укачивает, но не настолько, чтобы останавливать кортеж или требовать бумажный пакет.

– Императрица популярна у горожан, – замечаю я, когда молчание становится особенно тягостным.

Постукивая ногтями по оконному стеклу, я отмечаю, что люди собираются по обеим сторонам проспекта, машут. Строй гвардейцев не позволяет им приблизиться слишком близко, но никого не гонят, атмосфера мирная, радушная. Приветствовать императрицу для горожан маленький праздник. Мне не достаётся ни единого доброго слова.

– Простолюдины глупы, ваше высочество. Не способные увидеть истинное величие, они тянутся к простоте.

Да нет, с величием у императрицы всё в порядке.

– Ха..., – неопределённо вздыхаю я. – Госпиталь...?

– Госпиталь Весенней надежды, ваше высочество. Что за блажь выезжать в деревни и лечить крестьян?

– Они выезжают?

– О, да! – фрейлина с удовольствием делится сплетнями. – Только представьте, ваше высочество, в эти дни, пока

лекари возятся невесть с кем, без их услуг остаются благородные.

Я перевожу взгляд на фрейлину. Она говорит неприятные вещи, но я не пытаюсь её одёрнуть. Высокомерие и презрение – стиль Кресси. Возможно, фрейлина не верит в то, что произносит, а лишь пытается угодить принцессе. А, возможно, провоцирует меня на скандал.

Как сложно...

Но есть и хорошая новость – я умею читать. Название госпиталя легко читается на крупной вывеске. Кортеж останавливается.

– Двумя домами раньше я видела ювелирный.

– Да, ваше высочество, но... ведь там не может быть ничего достойного вас.

– Сходи и купи для меня браслет. Не нужно выбирать, сгодится первый попавшийся. Повседневный, – свадебный или наоборот траурный, если такие существуют, мне не годится.

– Ваше высочество?

Мне одного взгляда хватает. Фрейлина вздрагивает, бормочет извинения и прячет взгляд.

Злодейкой быть удобно...

Я спускаюсь из кареты на мостовую, кивком приветствую делегацию встречающих. Краем глаза отметив, как фрейлина рванула в направлении ювелирной лавки, я на время о ней забываю. Без сомнения, в нужный момент браслет будет у меня.

Госпиталь пахнет спиртом, и я морщу нос, но в остальном держусь сдержанно и даже притворяюсь, что слушаю старшего целителя. На самом же деле меня занимают две вещи. Действительно ли деньги пойдут на лекарства или осядут в чьих-то бездонных карманах ? По идее, позднее я могу приказать провести проверку, так что это не проблема. И второе, что меня занимает — кого бы мне ограбить.

Помимо императрицы и её нескольких фрейлин, поддерживать госпиталь прибыли сразу пять светских дам, и все они дружно скучковались вокруг императрицы, окружили её полукольцом. Жёны заговорщиков, я так понимаю? Если рядом со мной императрица была напряжена и внешне равнодушна, то рядом с ними расслабилась, стала улыбаться и даже посмеялась над какой-то шуткой.

— Ваше высочество, — окликает меня фрейлина.

Я чуть поворачиваю голову. В её руках ничем не примечательный деревянный футляр. Фрейлина сдвигает крышку и демонстрирует браслет: камни, вероятно полудрагоценные, внешне похожие на гранаты, собраны на цепочке. Я с намёком отвожу руку назад, и фрейлина понятиливо застёгивает браслет на моём запястье.

— Прекрасно, — хвалю я девушку. — Сколько стоил?

— Два золотых, ваше высочество.

Порядок местных цен я представляю весьма смутно. Зарплата главной героини составляла серебрушку в месяц, но при этом она завтракала-обедала-ужинала во дворце. Форма,

опять же, за счёт дворца. Кажется, в романе упоминалось, что за золотой можно зафрахтовать средней паршивости кораблик.

Между тем целители показывают госпиталь, рассказывают о своей работе, перемежая сухую статистику занятыми байками. Я совершенно не удивляюсь, когда знакомство с госпиталем завершается в пустом хранилище лекарств. Естественно, в скучном помещении никто не задерживается, мы возвращаемся обратно в вестибюль, где и наступает долгожданный заключительный акт.

– Должно быть, ваше высочество уже утомились, – сладко улыбается моложавая дама в платье цвета спелой вишни.

Что ей нужно от меня? Я высокомерно игнорирую леди и сосредотачиваюсь на речи императрицы. К счастью, та не утомляет пафосом и быстро переходит к сути:

– Старший целитель, я передаю госпиталю имперский вексель, – её величество действительно забирает у своей фрейлины документ и вручает целителю.

Он с поклонами и благодарностями принимает.

Сумма пожертвования остаётся загадкой. Но не в этом дело. Императрица подала пример, и одна за другой светские дамы опускают на специальный поднос чеки. Фрейлины в пожертвованиях не участвуют.

Я наблюдаю за действием со стороны, дожидаясь, когда старший целитель поднимет поднос, и выхожу вперёд.

– Ваше высочество, – я иду с настолько недовольным ви-

дом, что целитель отступает на шаг. Я вижу, как дёргается его кадык.

Я настолько пугающая? Тогда я просто обязана улыбнуться по-злодейски.

– Ваше высочество? – в голосе императрицы сквозит обречённость, авторитета остановить меня у неё нет.

Внимание и дам, и целителей приковано ко мне. Я нарочно выдерживаю секундную паузу, нервирую, но, вопреки ожиданиям, скандал не устраиваю и вообще начинаю мирно и доброжелательно:

– В госпитале не должно быть недостатка лекарств. – демонстративно подняв руку, я отстёгиваю браслет и медленно, камушек за камушком, опускаю на поднос, но в последний момент “хвостик” удерживаю между пальцами и, притворяясь раздосадованной, вслух делюсь якобы осенившими меня сомнениями. – В аптеке оплату драгоценностями не примут...

Целитель пытается сгладить ситуацию:

– Ваше высочество от имени госпиталя и всех нуждающихся, которые смогут получить помощь, я благодарю вас.

– Так не пойдёт, – качаю я головой. – В аптеке не смогут понять ценность браслета, он будет потрачен впустую. Что же сделать? Ох, леди! – я снова поднимаю браслет повыше. – Чтобы поддержать госпиталь Весенней надежды, я позволю вам приобрести браслет с моей руки.

Дамы переглядываются.

– Тридцать золотых? – робко предлагает круглолицая пышка с солнечной улыбкой.

Мне слегка жаль обижать ту, которая взяла на себя инициативу, но сценарий требует быть грубой:

– Ха? Мне послышалось? Леди, не может быть, чтобы вы оценили мою руку столь дёшево? Что вы пытаетесь этим сказать?

Коснувшись подноса, я будто в задумчивости играю пальцами и случайно цепляю щеки. Моя цель – увидеть подписи. Четыре фамилии мне не знакомы, особого интереса не вызывают. Я даже запомнить их не пытаюсь, хотя стоило бы. Возможно, эти фамилии даже мелькнули на страницах романа, но я сто раз забыла. Другое дело пятая фамилия. Чек положен сразу после векселя императрицы. Я нахожу взглядом даму “сладкая вишенка”, которая сделала пожертвование второй. Вот мы и познакомились, дорогая герцогиня?

– А-а... Браслет с вашей руки бесценен, принцесса Крессида. Никакая цена не будет достаточной, – пышка выкручивается весьма находчиво.

Но сумму не увеличивает. Стеснена в средствах?

– Но во что вы оцените возможность получить браслет с моей руки? – я отвечаю вполне дружелюбно и дальше обращаюсь к остальным дамам. – Леди, неужели вы осуждаете моё начинание? В любом случае извольте пояснить своё мнение.

Едва ли в моих обвинениях есть смысл, зато в них кроется

угроза. Я впериваю пристальный взгляд в герцогиню. Ссора с принцессой так невовремя обернётся опалой...

– Сто золотых, – сдаётся “сладкая вишенка”.

Полагаю, у неё есть больше?.

– Уже что-то. Леди, не стесняйтесь присоединиться к нашему маленькому аукциону, ведь сообщая мы действуем во благо госпиталя!

Неожиданно, но шаг вперёд делает пышка:

– Сто тридцать.

– Сто пятьдесят, – торопливо взмахивает дама рядом с ней.

Я не оставила шансов проигнорировать аукцион, и теперь леди оропятся сделать ставку, чтобы уступить победу самой нерасторопной. По-моему, это даже забавно.

– Сто шестьдесят.

– Сто шестьдесят, – голоса двух дам сливаются воедино.

Они переглядываются, ни одна не хочет покупать браслет.

Я перевожу взгляд на герцогиню:

– Леди, неужели вы уступите так легко? – вопрос для ведущей аукциона неэтичный, но я себе ни в чём не отказываю, ещё и губы обиженно надуваю.

Герцогиня молчит.

Сумма набежала астрономическая. Полагаю, сотня золотых – это стоимость солидного дома в столице, не так ли? Если я и ошибаюсь, то ненамного.

– Ваше высочество, – императрица решает вмешаться,

потому что я веду себя совсем неуместно.

Где это видано, чтобы принцесса откровенно вымогала деньги?

Зато подозрения подтверждаются: жена главного заговорщика не просто завоевала доверие императрицы, она стала ей подругой. Иначе бы императрица не пыталась меня осадить.

– Ха, разочаровывающе. Интересно, его величество в таком же положении, как я сейчас? Итак, ставка? – я отворачиваюсь от герцогини.

Намёк, что я буду жаловаться, действует.

– Двести золотых!

Смогу я выжать больше? Маловероятно.

– Двести золотых – раз. Двести золотых – два. Двести золотых – три. Бесценный браслет уходит герцогине Дарин, – я опускаю браслет на поднос. – Полагаю, пары часов хватит, чтобы лакей доставил чек. Пожалуйста, передайте браслет посыльному герцогини в целостности и сохранности. И держите меня в курсе.

– Спасибо, ваше высочество! Теперь мы сможем приобрести не только лекарства первой необходимости, но и закупить энергетические кристаллы, а также обновить палаты и восстановить все неработающие артефакты.

Я поощрительно киваю, пока лекарь, захлёбываясь словами, рассказывает мне про грандиозные планы устроить на вырученные деньги теплицу редких лекарственных расте-

ний. До меня в сумме едва ли набралось бы пятьдесят золотых, скорее тридцать-сорок.

— Обязательно держите меня в курсе, — повторяю я. — Первое письмо от вас жду завтра, — я многозначительно кошусь на герцогиню.

Не знаю, насколько сильно она пострадала в финансовом плане, но заговор штука дорогостоящая, на счету каждая копейка. И пусть я откусила лишь кусочек, я довольна. Ровно до тех пор, пока в вестибюль не входит затянутый в мундир мальчишка лет семнадцати-восемнадцати.

Мне хватает одного взгляда на счастливую улыбку императрицы.

Что здесь забыл младший принц?!

Глава 3

Сейчас, когда я вижу его воочию, я задумываюсь о том, о чём следовало задуматься уже давно. Роман написан с точки зрения главной героини, и для неё её принц самый лучший, самый благородный, самый честный, самый достойный и ещё миллион этих “самый”.

Но я ведь уже нашла, как минимум, одну нестыковку. Тот самый поворотный момент.

В будуар, где находились императрица и главная героиня, ворвались мечники в масках. Героиня закрыла императрицу собой, но была грубо отброшена и ранена. Она умоляла пощадить её величество, но мечник ответил, что действует по приказу наследного принца. Императрица была убита, а героиня получила удар по голове, отправивший её в беспмятство.

Когда я читала, я подумала, что автор схалтурила. Во-первых, с какой стати убийцы болтают и сдают нанимателя? Во-вторых, халатность вопиющая. Почему не убедились, что свидетельница мертва? Даже если убийц вспугнули, о чём в романе не упоминалось, перерезать шею – мгновение. Но убийца лишь по голове ударил, щадяще.

Что получается? Получается, что наследного принца подставили, суд – фарс чистой воды, ни одного реального доказательства, всё обвинение строилось на свидетельских пока-

заниях героини. Но даже дураку понятно, что “он сказал его нанял Вася”, совсем не означает, что его в действительности нанял Вася.

Я готова допустить, что пережившая ужас героиня искренне поверила в виновность наследника престола.

Но младший принц?!

– Матушка, – он церемонно склоняется к руке императрицы, не столько по-настоящему целуя, сколько обозначая жест.

– Олис.

– Ваше высочество, – нестройным хором здороваются дамы и фрейлины, приседая в реверансах.

Целители ограничиваются поклонами.

Принц делает несколько шагов мне навстречу:

– Доброе утро, принцесса Крессида, – он учтиво склоняет голову. Приветствие безупречное, но при этом холодное, как дыхание Арктики.

Глядя младшему принцу в глаза, я легко могу поверить, что через несколько месяцев он без колебаний отдаст меня варвару. Воображение рисует пыльную циновку на земляном полу, объедки, оставшиеся от старших наложниц, упившегося вином хозяина-степняка. Жуть.

– Принц Олис, – отвечаю я.

Нельзя полагаться только на отца и старшего брата. Я эгоистично приложу все усилия, чтобы их спасти, но на всякий случай...

Мне нужен скафандр!

Варвар зовёт на ложе, отказаться нельзя, наложница же. Представляю: я не сопротивляюсь, наоборот игриво провожу пальцем от губ по подбородку вниз по шее, варвар, хрипло дыша, протягивает руку, и в этот момент я касаюсь амулета, мгновенно тело окутывает защита, а варвар получает психологическую травму и навсегда становится не опаснее мерина.

В мире, где есть магия и нет космонавтов, скафандр заменяет доспех.

Кстати, амулет не моя фантазия, древний кулон действительно существует. С оправленной в золото багряной сердцевиной, он выглядит кустарной поделкой, которой место на развале сувенирных побрякушек, а не в императорской сокровищнице. Естественно, волею автора амулет достанется главному герою. Больше того, в решающий момент младший принц облачится в легендарную броню и предстанет в облике паладина, и многие аристократы перейдут на его сторону: герцог объявит, что принц, отмеченный самими Небесами имеет больше прав на корону, чем ничем не примечательный старший принц.

Осталось вспомнить, где именно главный герой найдёт своё сокровище и опередить.

– Неожиданно. Обычно вы игнорировали благотворительную работу, принцесса Крессида.

– Почему же? Благотворительность оказалась... весьма

занятой.

Я непременно продолжу развлекаться, как только добуду доспех. Например, я могу отправиться к герцогине в гости, а накануне через фрейлину передать длинный список баснословно дорогих деликатесов, которые непременно должны быть в меню праздничного обеда, иначе принцесса оскорбится.

Я слишком размечталась. Видимо, выражение лица у меня стало соответствующее. У принца нервно дёрнулся глаз.

– О, приюты и госпитали могут надеяться получить ваше покровительство? Принцесса Крессид, вы не планируете выступить в новой роли и возглавить благотворительный сбор на турнире? Уверен, ваше участие в сборе пожертвованных станет сенсацией.

– На турнире я вручаю Лазурную ленту, – отбиваю я.

Хитрый какой. Благотворительный сбор проходит в отдалённом павильоне. Если бы я клюнула и публично согласилась, я бы оказалась связана словом крепче любых оков. Мне невольно пришлось бы уступить главную церемонию императрице. По-человечески Олиса я понимаю, он защищает мать. Увы, не в этот раз.

– Вот как? – принц притворяется, что впервые слышит. –

Победитель турнира будет счастлив получить ленту из ваших рук, принцесса Крессид?

– Какая разница, счастлив он или нет? Ах, я утомилась. Я оставлю вас.

Принц незамедлительно склоняет голову.

Я же оборачиваюсь, ловлю взгляд целителя и беззвучно, одними губами напоминаю:

– Жду письмо.

Небрежно попрощавшись с императрицей, пусть её сынок утешает, я в сопровождении своей фрейлины выхожу на улицу и снова задаюсь вопросом — когда они успели подать карету? В том, что именно подать, я не сомневаюсь, потому что других экипажей на улице не видно.

Мало того, что карета роскошная, так ещё и на самых видных местах вензели. Я морщусь — про конфиденциальность можно забыть, даже маленький ребёнок поймёт, кто едет.

Пожалуй, хватит с меня на сегодня. Во дворце меня ждут заказанные у хранителя библиотеки книжки, ещё надо записать всё, что я сумею выудить из памяти о сюжете романа...

Ша!

Я бросаю взгляд в окно — здания за стеклом качаются и ползут назад, значит карета едет. Задумавшись, я не заметила, как мы тронулись.

– Передай кучеру приказ сменить направление.

– Да, ваше высочество. Куда вы желаете отправиться?

Фрейлина не скрывает удивления.

Может, зря я? Стоило сослаться на хандру и сидеть тихо, а я своим поведением, жестами, мимикой, риторикой буквально кричу, что принцесса Крессида в одночасье стала другим человеком.

Нет, не зря.

Я неприятно улыбаюсь:

– В форт Тан-Дан.

– Ваше высочество?!

– В Тан-Дан, – повторяю я. – Немедленно!

Изначально крепость была родовым гнездом довольно старой аристократической династии, но род выродился, и крепость отошла короне. Как это часто бывает, крепость превратили в тюрьму для особых государственных преступников: как британский Тауэр и французская Бастилия.

Про Тан-Дан ходит немало жутких легенд, якобы в некоторых камерах обитают призраки, способные за ночь свести с ума, а то и вовсе убить. Как по мне, такие легенды прикрывают убийства неугодных узников, которых по каким-то причинам нельзя казнить официально.

Почему бы мне не сыграть роль такого призрака для одного заключённого?

Карета разгоняется. Скорость по-прежнему черепашня, но всё же это лучше, чем тащиться в кортеже. Стараясь не обращать внимания на болтанку, я смотрю в окно, знакомлюсь с городом. Аккуратные двухэтажные домики смотрятся приятно, улицы просторные, чистые, но нельзя забывать, что мы пересекаем центральные районы столицы. А что я найду на окраине? Трущобы?

Проспект делает резкий поворот, и открывается вид на реку. Когда-то русло разделили на два рукава, и на образовав-

шемся островке выстроили твердыню Тан-Дана. Приземистая крепость, возвышающаяся над окрестностями, выглядит великолепно-величественно и мрачно. Над главной башней полощется флаг. На гребнях стены мелькают дозорные.

Мост поднят, и карета вынужденно останавливается. Вот хохма будет, если меня не пустят. Позор. К счастью, вензели на карете не хуже любого пропуска. С надсадным скрежетом цепи разматываются, мост опускается.

Второй раз приходится остановиться во дворе крепости сразу после ворот. После предупреждающего стука снаружи дверцу открывают, и в салон заглядывает офицер.

– Прибыла её высочество принцесса Крессида Небесная, – объясняет фрейлина и демонстрирует мою печать.

– Приветствую, ваше высочество, – стоя на подножке, офицер ухитряется низко поклониться. – Ваш визит весьма неожиданный.

Не думаю, что члены императорской семьи частые гости в Тан-Дане, тем более Кресси.

– Визит неофициальный. Я прибыла по неотложному делу.

– Ваше высочество, комендант примет вас незамедлительно. Ваш приезд честь для нас.

Я одариваю офицера поощрительной улыбкой.

Меня пропускают, карета подъезжает непосредственно ко входу в крепость. Я спускаюсь на брусчатку, которой выложен двор. Офицер подаёт мне стиснутую белоснежной пер-

чаткой ладонь. Я касаюсь его руки кончиками пальцев, поощряю ещё одной, предназначенной только ему улыбкой. Ха, офицер краснеет как мальчишка!

Глубоко вздохнув, я окончательно избавляюсь от неприятных ощущений и перевожу взгляд на спешащего ко мне мужчину. Как и все, затянут в мундир, но на груди сверкают многочисленные знаки отличия. Морщинки, собравшиеся в уголках глаз, похожи на солнечные лучики. Мужчина производит весьма странное впечатление. Для коменданта крепости он недостаточно мрачный.

– Приветствую, ваше высочество принцесса Крессида!

Кресси знала, как его зовут? Руководить тюрьмой особого значения случайный вояка не может.

– Хм..., – будем считать, что принцесса разочарована приёмом и поэтому забыла про ответную вежливость.

– Ваше высочество, сожалею, но, согласно уставу, утверждённому императором лично, я могу принять только вас.

Я оглядываюсь и взмахом кончиков пальцев показываю фрейлине вернуться в карету.

– Приемлемо.

– Прошу, ваше высочество, – комендант выдыхает с заметным облегчением.

Ожидал скандала и капризов?

Не важно...

Внутри крепость ни что иное, как каменный мешок. Толстые стены и низкие своды вызывают ощущение, что ты вот-

вот будешь раздавлен.

— Впечатляет, — хмыкаю я и провожу кончиками пальцев по шероховатой стене.

— О, да, ваше высочество. Тан-Дан лишь выглядит неказисто, но надёжнее её крепости нет.

Комендант приводит меня на второй этаж в свой кабинет с окнами, выходящими на двор. Отсюда он может наблюдать за прибытием тюремных экипажей, доставляющих новых узников, разгрузкой повозок с провиантом, сменой караула. Весь двор как на ладони. И в глаза бросается полное отсутствие зелени, сплошь камень-камень-камень. Даже в кабинете, на первый взгляд самом обычном, нет ни одного горшка с растениями.

— Ваше высочество?

Пока я осматриваюсь, комендант топчется у шкафа, видимо, не решаясь занять место за столом. Впрочем, правильно. Он не имеет права садиться без моего приглашения. Хм, побеседуем стоя...

Некоторое время я ещё смотрю во двор, собираюсь с мыслями.

Комендант терпеливо ждёт.

Щёлкнув по закрывающей окно решётке, я поворачиваюсь:

— Я приехала разобраться в весьма... деликатном деле. Под свою ответственность я забираю одного из заключённых с нижнего яруса.

– Ваше высочество?! Ваше требование несколько...

– Действуйте, – перебиваю я, поигрывая печатью. – Пустые задержки злят.

– Есть, ваше высочество!

Бумажки творят чудеса. Стоило дать понять, что я поставлю подпись и заберу преступника под свою ответственность не на словах, а официально, комендант моментально отбрасывает сомнения, и через минуту я получаю документ с пустой строкой, в которую я собственноручно вписываю имя, а затем я ставлю печать. В романе говорилось, что оттиск ставится не чернилами, а магией. Выглядит эффектно – разлетаются брызги света, и, когда я поднимаю кругляш, на бумаге переливается мой вензель насыщенного синего цвета.

– Я лично спущусь за преступником, – сообщаю я.

– Нижний ярус весьма неприятен, ваше высочество.

– Ха...

Комендант не смеет спорить. Поднявшись из-за стола, он прячет бумагу в сейф, а из сейфа достаёт флакончик с длинным носиком. Мутная молочно-белая жидкость не вызывает доверия, но капитан спокойно оттягивает левое веко, запрокидывает флакон. Две капли падают точно на радужку, а капитан повторяет процедуру с правым глазом. Не думаю, что он решил полечиться.

– Приказом его величества освещение в подземной части Тан-Дана запрещено. Мы закапываем зелье ночного видения, ваше высочество.

Об этом в романе не было. Собственно, там много о чём не было.

Я без колебаний повторяю за комендантом. Интересно, можно мне прикарманить флакон? Увы, комендант забирает зелье, прячет в сейф и только после этого приглашает следовать за ним.

В коридоре к нам присоединяется давешний офицер, и втроём мы спускаемся. Вниз ведёт крутая винтовая лестница. Чем глубже мы спускаемся, тем скуднее освещение. В глаза появляется резь, будто в них песка надуло, зато окружающее пространство обретает чёткость. Видна каждая щербинка, каждая выбоинка.

Я насчитываю всего три уровня.

– Ваше высочество, может быть мы переведём преступника в допросную?

– Не требуется, – голос предательски срывается.

Справа и слева клетки, на которые смотреть тесно. Слава богам, камеры пустуют. Но не все.

Обрюзгший мужчина уныло раскачивается из стороны в сторону и воет на заунывной ноте. В его пустых широко распахнутых глазах ни капли разума. Комендант ударяет по прутьям клетки, и вой обрывается. Мелко трясаясь, мужчина пытается забиться в дальний угол.

– Работорговец. Прикрываясь титулом на протяжении четырёх лет тайно вывозил и продавал степнякам детей. Попался, когда по заказу одного из ханов похитил дочь барона.

– Посадить на кол было бы милосерднее.

Я иду дальше.

– Кто здесь? – раздаётся крик, и на прутья очередной решётки бросается седая старуха. – Вы доставили приказ о моём помиловании? Я знала! Освободите меня немедленно!

Для заключённой весьма опрятная. Волосы стоят нечёсанной копной, но при этом чистые. Ногти короткие, без чёрной каймы грязи, да и запаха неприятного нет. Спускаясь, я боялась вонь немытых тел, но на нижнем ярусе всего лишь душно.

Получается, при всё здешнем ужасе, за гигиеной надсмотрщики следят.

– Кто она?

– Графиня Илезис Фатта, – представляется она.

– Та самая, печально прославившаяся.

Мне ни имя, ни пояснение коменданта ни о чём не говорит, но от дальнейших расспросов я воздерживаюсь и прохожу мимо. Я потом поинтересуюсь...

Комендант указывает на камеру. Тот, за кем я пришла, в ней.

Глава 4

Прижав указательный палец к губам, я жестом прошу коменданта не вмешиваться. Хорошо бы вообще без свидетелей обойтись, но, увы, не получится, наедине с преступником меня не оставят.

Не знаю, как, но парень чувствует моё присутствие. Слепо таращится в темноту, тщетно силясь разлечить хоть что-то. Дыхание сбито, хотя он и пытается контролировать вдохи-выдохи. Самое главное, парня выдают проступающие на скулах серебристо-чёрные чешуйки, разбегающиеся по скулам и щекам извилистыми дорожками. Он хмурится, вслушиваясь в наступившую темноту, стискивает кулаки, но ни на шаг не отступает от решётки. Как поднялся с узкой лежанки, так и стоит.

Я протягиваю руку, ладошка у меня узкая, легко проходит сквозь прутья. Я касаюсь его лица. Честно говоря, исключительно из любопытства. Чешуйки тёплые, гладкие, но не скользкие. Стыки не ощущаются, чешуйки накладываются одни на другую и вроде бы они не заменяют кожу и закрывают. Парень отшатывается назад.

– Не надо так нервничать, – усмехаюсь я. – Я ещё ничего плохого не сделала.

– Ещё?!

Комендант делает шаг к нам, но я качаю головой, на надо

учить заключённого уважению, я сама справлюсь..

– Скучаешь по сестрёнке? Кэтти милейшая девочка, наивная.

Парень меняется в лице, причём буквально. Оно сплошь покрывается чешуёй и превращается в подобие змеиной морды. Парень бросается к прутьям:

– Что с ней?! Что вы с ней сделали? Я же всё, как вы хотели...

– Насколько мне известно, Кэтти в полном порядке, – успокаиваю я. – Она приехала в столицу в поисках справедливости. Знаешь, чем для неё это может обернуться?

Парень смотрит на меня с ужасом, отлично понимает, что девочку заставят замолчать. Чешуёй покрывается шея, ладони.

В романе Кэтти верила, что брата осудили ложно. Она не придумала ничего лучше, как попытаться встретиться с кем-то из влиятельных дворян и попросить помощи. На турнир её не пустят, но тем не менее ей повезёт, она столкнётся с главной героиней, а та передаст её просьбу младшему принцу. Правда, счастливого исхода не получится. Расследование затянется: поначалу принц решит, что парень виновен, но, когда на Кэтти совершат покушение и неудачно попытаются выдать его за несчастный случай, принц начнёт более тщательную проверку. За это время парень потеряет способность к обороту и навсегда застрянет в шкуре ящера.

Ну, принц получит шикарного ездового зверя, а главная

героиня обретёт верную подругу.

Парень выдыхает и очень устало спрашивает:

– Чего вы хотите, леди? – он ещё не сломлен, но уже надломлен.

– Верно мыслишь. Я могу помочь вам обоим, но за всё надо платить, верно? Для начала верни человеческий облик.

Становится слегка неприятно от того, что я осознанно жму на самые больные точки, но в то же время я уверена в том, как повела разговор. Парень без колебаний согласится на всё, что мне нужно, не придётся уговаривать или бояться обмана.

Парень справляется за минуту. Берёт эмоции под контроль, и чешуя медленно растворяется в коже. Я с любопытством наблюдаю за процессом.

А он симпатичный... Поджарый, пропорционально сложенный, под тонкой тканью рубашки просматривается мышечный рельеф. Лицо скульптурное, даже немного кукольное.

– Леди?

– Я же сказала – плати.

– Простите, не понимаю. Вы не можете не знать, что у меня ничего нет. Что я должен сделать?

Я закатываю глаза:

– Мальчик, что ты можешь сделать, сидя в каменном гробу? У тебя есть ты сам. Если ты до сих пор не понял, цена моей помощи – полная клятва верности на крови. Видишь

ли, мне пригодится ручная ящерица.

От моего простого объяснения парень очешуел.

До этого я наблюдала, как чешуйки разбегаются от переносицы к вискам и вниз по щекам, а теперь чешуя проступила разом. Она будто всплыла из-под кожи. На голове появились то ли шишки, то ли зачатки рожек. Занятно...

Я усмехаюсь.

Помимо того, что я стараюсь соответствовать репутации капризной эгоистки, пусть лучше парень злится, чем боится. И, пожалуй, я не могу не признать, что капелька садизма во мне всё-таки живёт.

Он рвано, со свистом выдыхает, шкрябает – ого, когтищи! – по камню и оставляет в стене глубокие борозды. Командант напрягается, да и офицер непроизвольно хватается за рукоять, выглядывающую из ножен, но оружие так и не выхватывает. Парень отступает глубже в камеру, насколько это позволяет крошечное пространство. Пожалуй, даже сейчас я могу дотянуться до него рукой. А вообще шаг разумный – спрятаться, не провоцировать.

Человеческий облик парень возвращает с заметным трудом, полностью чешуя не уходит.

Я нащупываю пряжку, скловшую накидку, и острым концом защёлки прокалываю указательный палец. Выступает капля крови. Парень принюхивается и делает шаг к решётке и на удивление ловко находит мою ладонь. Видеть в крошечном мраке он не может. Чутьё на кровь?

– Своей душой, жизнью, сутью, силой вверяю себя госпоже, отдаю свою свободу и преданность за защиту благополучия моей сестры Кэтти.

Парень почти до боли сжимает моё запястье, торопливо, боясь, что я выдерну руку, приникает к прутьям и слизывает рубиновую каплю раздвоенным змеиным языком, который тотчас становится обычным человеческим.

Парень ослабляет хватку, полностью разжимает пальцы, а плечи расправляет с видом победителя. Слепо смотрит прямо перед собой, но глаза сверкают вызовом, губы упрямо сжаты.

Я в ответ снова усмехаюсь. Прелесть, что за мальчик мне достался – сообразил вплести в клятву условие. Стоит мне нарушить обещание и отказать Кэтти в помощи, клятва тотчас утратит силу. К тому же формулировка интересная – “защита благополучия”. Я и потом не смогу бросить Кэтти на произвол судьбы, но в то же время парень поступил излишне честно, он не стал привязывать клятву непосредственно к жизни сестры, когда бы её смерть стала ключом к его освобождению, он готов служить до конца. Я чувствую, как между нами натягивается невидимая связь.

Комендант, повинаясь моему знаку, отпирает камеру. Вперёд выходит офицер и довольно грубо заламывает парню руку. Парень вздрагивает, инстинктивно подбирается, но сопротивления не оказывает, наоборот, опускает голову и послушно идёт согнувшись.

Сказать, чтобы отпустили? Но зелье для глаз парню никто не даст, как он сам пойдёт? Мне вмешиваться не по чину, даже такая ужасная принцесса, как я, не в праве ронять императорское достоинство.

— Насколько мне известно, изначально решения о заключении на нижний уровень не было, — поворачиваюсь я к коменданту, чтобы отвлечься от картины, которую не могу изменить.

— Верно, ваше высочество.

Парень спотыкается и, не удержавшись, растягивается на ступенях. Если бы мы были наедине, я бы спросила, что именно его так поразило, что он пал к моим ногам. Но шутить при коменданте я не буду. Парень поднимается, уже ничем не выдавая эмоций.

— Я жажду подробностей.

— Ваше высочество, я получил официальный приказ. Документ у меня в сейфе. Желаете взглянуть? Перевести преступника на нижний уровень распорядился Безликий.

Я с трудом удерживаюсь, чтобы не присвистнуть.

Безликие в романе упоминались мельком. Служащие Тайной канцелярии, удостоенные особого доверия императора, они скрывают лица за масками, носят плащи с глубокими капюшонами, но надёжнее всего их не даёт опознать магическая защита.

Я понимала, что заговор не шутка, но я не подозревала, что всё настолько серьёзно.

Можно ли доверять коменданту? А офицеру? Вполне возможно, прямо сейчас меня окружают враги.

Ладно, спокойнее. Раз я до сих пор не получила нож под ребро, значит, велик шанс, что выйду живой и парня выведу.

— Господа офицеры, — задумчиво тяну я. — В ваших жизненных интересах сохранить мой визит в тайне. В жиз-нен-ных.

— Ваше высочество?!

— Ага...

Как быстро заговорщики сообразят, что меня нужно убрать в первую очередь? Что-то грустно от таких открытий становится...

Комендант останавливается на предпоследнем пролёте и зачем-то просит подождать. В целом я согласна, что ждать карету лучше в неприметной тёмной нише, чем на глазах у всего гарнизона, но просьба пугает. Воображение рисует, как комендант опускает заветный рычаг, и сверху обрушивается поток воды. Ни за что не поверю, что в Тан-Дане не предусмотрена система затопления.

Я благосклонно киваю. Если комендант действительно решил меня убить, то не имеет значения, соглашусь я с его просьбой или откажусь. Я могу только ждать, надеяться и гадать, чем отличается удушение дымом от утопления.

В давящем молчании проходят пять минут, десять.

Вечность спустя раздаются шаги. Возвращается комендант. В руках у него свёрток чёрной ткани и тонкий тубус.

Комендант протягивает сперва тубус:

– Ваше высочество, у вас приказ целее будет. Также я приложил копии сопроводительных документов. Ваше высочество, слухи в стенах Тан-Дана не удержать.

– Но постарайтесь сдержать.

– Если Безликий явится снова...?

Это будет значить, что заговорщики уже знают обо всём и хотят уточнить детали.

– Передайте ему, что я жду нашей встречи, мне не терпится разместить его голову на моей Трофейной стене, – угрожать, так красиво!

Комендант при этих словах почему-то спал с лица. Впрочем, гадать не пришлось:

– Ваше высочество, но ведь на Трофейной стене только лично добытые..., – глаза у него делаются круглые, несчастные. Видимо, с воображением у него тоже всё хорошо, представил, как я, уж не знаю, мечом ли, ножом ли, по локоть в крови...

Чёрт, я не это имела в виду!

Но раз уж так получилось... Я придаю лицу озабоченное выражение:

– Полагаете, что у него позвоночник настолько крепкий, что я не смогу перепилить?

– Уверен, сможете, ваше высочество, – комендант торопится перевести тему и демонстрирует мне чёрную ткань. – Возможно, гарнизону не следует видеть, кого именно вы

забираете, ваше высочество.

Мы открыто прошли мимо трёх постов, так что спохватились поздно, но комендант прав, лучше побережься.

– Да, вы правы, – а ещё моё чешуйчатое приобретение не стоит видеть фрейлине, – благодарю за ценный совет, но сперва мы попробуем иначе, – и приказываю. – Обернись в мелкую ящерицу.

В романе такая возможность упоминалась мельком, когда Кэтти рассказывала главным героям семейные предания, так что я совершенно не уверена, что что-то получится. Скорее наоборот, я точно знаю, что оборачиваться парень не умеет, его потолок – по желанию покрываться чешуёй или убирать её, тело при этом остаётся человеческим.

Я чувствую, как натягивается нить клятвы.

Парень вскрикивает, выгибается дугой, крик переходит в визг, а на пол падает уже ящер, размером чуть больше кошки. Совсем мелкого не получилось, в кулаке не спрячешь. Сумей парниша обернуться в камере, сквозь решётку бы не протиснулся, но если сравнивать с ящером, который был описан в романе, то да, мелкий.

Формой тела он скорее похож на хамелеона, чем на вара-на или геккона. Округлый силуэт, хвост закручен спиралью, лапки тонкие, для забегов явно не предназначены, такими цепляться за ветку и сидеть, ловя мимо пролетающую добычу. Или затихнуть в углу и шпионить.

– Какая прелесть...

В отличие от меня ящер явно не в восторге, но деваться ему некуда, тем более офицер подхватывает его под пузо и не особо бережно поднимает, чтобы мне было удобнее рассматривать получившуюся зверушку.

Я перехватываю ящера, он издаёт не то писк, не то всхлип. Я решительно раскрываю полу накидки, сажаю ящера на бедро. Мне кажется, он приходит в ужас от моих действий. Вместо ездового зверя получилась ездовая принцесса. Яправляю накидку и как ни в чём ни бывало встречаюсь взглядом с комендантом:

– Ваше высочество...

– Благодарю за службу!

Не зря съездила. Теперь мне есть что, точнее, кого, предъявить императору. Чем бы венценосный папа ни занимался, ему придётся принять дочь незамедлительно.

Комендант провожает меня до кареты. Фрейлина вскакивает, но я жестом разрешаю не суетиться и осторожно устраиваюсь на сиденье, помня о том, что у меня на боку чешуйчатый довесок, лучше не проверять, как громко он заверещит, если я по неосторожности прищемлю ему хвост.

– Возвращаемся, – бросаю я и на прощанье одаряю коменданта и второго офицера улыбкой, лёгкой, ни к чему не обязывающей. У меня неплохо получается быть принцессой, а?

В тряской карете одно развлечение – таращиться на город, проплывающий за стеклом, потому что болтать с фрей-

линой я по-прежнему опасаюсь. Она послушно изображает тихоню, но краем глаза я замечаю, как она поглядывает на меня из-под ресниц, когда думает, что я не вижу. Что она уже подметила, а что подметит? Подавив вздох, я машинально провожу по накидке. Ящер вздрагивает.

Пломбиру крем-брюле хочется...

Через час или около того карета, наконец, вползает на территорию дворца. Последние метры самые раздражающие, и я коплю злость, стараюсь не расплескать раньше времени. Не на фрейлину же срываться.

Гулкий холл встречает меня тишиной и портретами предков. Во дворце по-прежнему безлюдно. Точно также, как утром, на втором гвардейцы несут караул, но сейчас они охраняют не тот коридор, который ведёт к Лазурной столовой, а другой, в котором я ещё не бывала. Естественно, я сворачиваю именно в него и стараюсь не думать о том, как я буду выглядеть в глазах фрейлины, если заблужусь. Она так и следует за мной по пятам.

Очередные двери подпирают караульные, и я почти не сомневаюсь, что нашла императора.

Я приближаюсь. Гвардейцы никак не реагируют, ни на меня, ни на фрейлину, беспрепятственно пропускают, и я попадаю в кабинет. Точнее, в приёмную, потому что за столом, для важности обложившись пачками документов, сидит огненно-рыжий секретарь неопределённого возраста. Моё появление становится для него сюрпризом, вероятно,

неприятным:

– Ваше высочество принцесса Крессида, его величество занят, – поспешно объясняет секретарь, однако грудью встать на моём пути не пытается. Может, на самом деле у него приказ пропускать меня в любое время дня и ночи?

Ха!

– Неужели?

– Его величество принимает герцога...

Готова поспорить на доспешный амулет, что упомянутый герцог – это пожаловал папочка обиженной мною императрицы. Я не дослушиваю и сама распахиваю дверь в кабинет.

Нет, я бы с удовольствием послушала, о чём они говорят, но из-за стены не долетает ни звука, защита от прослушки на высшем уровне.

– Ваше величество, я говорю из самых благих побуждений. Кто ещё осмелится высказать правду? Принцесса Крессида своими необдуманно действиями провоцирует ненависть к себе и всей императорской семье.

Однако...

Я вовремя.

Конечно, можно не вмешиваться, в романе эпизод не упоминался, настолько он незначительный.

Император первым замечает меня. Герцог, почуяв неладное, оборачивается.

А если я прямо сейчас прикажу ящеру стать большим и откусить герцогу голову? Наверное, кровожадное намерение

отражается у меня в глазах, потому что смуглый герцог чуть ли не сереет.

– Герцог, – улыбаюсь я.

– Ваше высочество.

– Похоже, вы настолько умны, что тяжёлая голова стала доставлять вам серьёзные неприятности, герцог. Как оригинально вы решили избавиться от проблемной головы.

Жаль, по-настоящему прибить его нельзя.

Император хмурится. Герцог сжимает кулаки, но сдерживается, только цедит сквозь зубы:

– Ваше высочество, вы перешли все границы.

Так и есть.

– Границы? – недоумеваю я. – Герцог Майрай, я всего лишь пошутила. Почему вы принимаете мои слова за чистую монету? Может быть, вы переутомились? Я с искренней заботой о вас настоятельно рекомендую отдохнуть.

Герцог один из заговорщиков, не исключено, что первый из них. Захват власти он готовил с того далёкого дня, когда решил выдать дочь за императора. Буду я с герцогом вежлива или нет, расклад не поменяется. В романе его персонаж вызывал у меня глубокое отвращение и сейчас, когда я вижу его вживую, мне действительно хочется прихлопнуть герцога, как клопа. Уже за одно то, что он не гнушается тащить в свою постель силой.

– С вашего позволения, ваше величество, ваше высочество, – герцог отрывисто кланяется и выскакивает из каби-

нета, не скрывая бурлящей ярости.

Я ухмыляюсь ему в спину и плотно закрываю дверь.

– Кресси? Зачем ты так? – мягкий тон императора меня не обманывает, император крайне недоволен моим поведением, и я не могу с ним не согласиться. Слова, которые я себе позволила, недопустимы.

Зато я добилась цели – спровоцировала герцога убраться с глаз долой. Вины я за собой не чувствую.

Молча откинув полу накидки, я отцепляю пискнувшего ящера и, не заморачиваясь, сажаю на столешницу. Трудно сказать, кто больше удивляется знакомству, ящер или император. Я в основном слежу за реакцией его величества. Понял дорогой папочка, что перед ним оборотень или нет? Не похоже... Зато ящер монарха признал и не придумал ничего лучше, как попытаться смыться.

Побег я пресекаю жёстко – придерживаю за основание хвоста.

Убедившись, что ящер намёк понял и удирать передумал, я занимаю кресло, в котором минуту назад сидел герцог. Император прищуривается, я снова чувствую повеявшимот него недовольство, но как ни в чём не бывало я достаю тубус, свинчиваю крышку.

– Папа, взгляни, пожалуйста, – я протягиваю приказ Безликоого о переводе заключённого на нижний уровень Тан-Дана. – Ты что-нибудь знаешь об этом?

– Я тебя не узнаю, Кресси.

Угу...

– Совсем ничего?

Император вздыхает:

– Феликс Дебор на протяжении трёх лет вывозил энергетические камни, что является государственной изменой. Он был задержан пограничниками на таможне, сразу же признал вину. Почему ты спрашиваешь, Кресси? Всё это есть в твоих бумагах. Лучше расскажи, как ты в это дело вообще влезла и откуда ты взяла эту странную ящерицу? Ты уверена, что оно не ядовито?

– Папа, тебе не кажется подозрительным, что Феликс был отправлен в Тан-Дан? Он же не наши фамильные драгоценности вывозил, а всего лишь камни. Самая обычная контрабанда.

– Я бы не назвал контрабанду обычной, но я тебя понял, Кресси.

– Сомнений не вызывает только последний эпизод, когда Феликса арестовали. По остальным эпизодам исчерпывающих доказательств нет, обвинение строится исключительно на признании, которое Феликс дал. Весьма примечательно, что признание выглядит сухим отчётом, зазубренным наизусть, в протоколе ни одной “живой” подробности.

– Ты хочешь сказать, что Феликс прикрывает подельников?

– Нет, пап. Я хочу сказать, что один из Безликих предатель, и что у нас заговор. В Тан-Дан Феликса заключили по

единственной причине — защитить как ценного свидетеля и продолжить расследование, но тихо.

— Кресси, ты имеешь в виду..., — у императора расширяются зрачки.

— Обернись, — приказываю я.

Ящера, как и в тюрьме выгибает. Мгновение, и на столе, поджав к животу колени, лежит Феликс.

Голоногий, голопопый, явно паникующий. Когда я заби-рала его, я не придавала значения теме одежды, меня занимала загадка, выйду ли я из Тан-Дана живой.

Сейчас припоминаю, что и рубашка, и штаны остались на полу в нише. Честное слово, я не нарочно. И нет, мне не стыдно, мне весело. Я задерживаю взгляд на плавном изгибе спины и дорожке чешуек вдоль позвоночника. Проступают острые лопатки, под кожей играют мышцы. Извернувшись как червяк, Феликс сползает на пол и замирает, встав на одно колено — бедром прикрывает самое ценное.

Хмыкнув, я снимаю накидку и набрасываю ему на плечи.

— Кресси, — устало вздыхает император, похоже, напрочь деморализованный стрептизом на своём столе.

Какой бы избалованной принцесса ни была, до сих пор голых парней она отцу в кабинет не таскала.

— Феликс Дебор потомок обедневшего рода Шесс. Дела шли настолько скверно, что последние три-четыре поколения отказались от использования родовой фамилии, чтобы своим жалким видом не позорить великих предков, одна-

ко от этого они не перестали быть Шесс. Безликий не стал устранять Феликса физически. Зачем? Достаточно перевести во мрак нижнего уровня, что соответствует условиям инициации, с той лишь разницей, что остановить процесс Феликс бы не смог, и вскоре мы бы получили зверя. Не человека, запертого в шкуру животного, а именно зверя, лишённого дара речи. Дать показания, собирая слова по буквам, он бы не смог.

В романе этот метод пробовала Кэтти. Она написала алфавит, называла буквы вслух и одновременно указывала пальцем. Она надеялась, что брат рыком или шлепком хвоста будет подавать знак, и, пусть мучительно медленно, но они смогут поговорить. Ящер понимал, что от него требуется, но буквы не узнавал, очень переживал, скулил. Душераздирающая сцена, в которой главная героиня выступила чуткой утешительницей...

Убедившись, что зверь растворил в себе человека, младший принц предложил отправить ящера в естественную среду, но ящер предпочёл остаться рядом с сестрой и подставил принцу спину под седло.

– Значит, контрабандистов покрывает один из Безликих. Император не знал или всё же подозревал измену?

– Заговорщиков, пап, за-го-вор-щи-ков. Ты ведь сам всё понимаешь, да? Просто меня не хочешь волновать. Но, пап, не волновать не получится. Насколько всё серьёзно, что даже я заметила?

– Почему ты уверена, что это заговор?

– Потому что ни один Безликий не будет покрывать обычных контрабандистов, слишком мелко для человека, обличённого высочайшим доверием. Рисковать он будет только ради ещё большего возвышения.

Император согласно кивает. Не думаю, что он действительно нуждался в моих объяснениях, скорее, хотел услышать ход моих мыслей. Он переводит взгляд на Феликса, и взгляд становится тяжёлым, а тон рокочущим, угрожающим:

– Лорд Шесс.

Голый, в моей накидке, но при этом преклоняющий колено, выглядит он более чем забавно, но я не улыбаюсь.

– Ваше величество, сожалею. Я вряд ли смогу быть полезным, я не видел лиц. Меня шантажировали жизнью сестры, и я делал всё, что от меня требовали.

– Если бы ты не мог быть полезным, тебя бы не стремились уничтожить, – пожимаю я плечами, хотя в глубине души я разочарована, я наивно надеялась если не на раскрытие заговора, то на получение существенных сведений, а тут шиш, – Но сейчас, как мне кажется, важнее разобраться не с пользой, а с Безликим.

– Да, – император забирает со столешницы приказ и прячет в сейф. – Что-нибудь ещё, Кресси? Лорд Шесс...

– Лорд Шесс принёс мне полную клятву верности на крови, так что свою ящерку я забираю. Феликс, обернись, как было.

Подозреваю, что в частых оборотах нет ничего хорошего, но вести по коридорам парня без портков — скандал, который подданные не поймут, я ведь принцесса капризная, а не развратная. Я удобно сажаю ящера на бедро, прикрываю накидкой.

— Откуда что взялось, — бормочет император.

Настроение резко портится. Я не питаю иллюзий. Помимо общей линии поведения, есть мелкие привычки, которые, порой, значат гораздо больше. Я понятия не имею, предпочитала Кресси чай с лимоном или с сахаром. А, может быть, как англичанка, с молоком? Какие тропинки в саду она выбирала, а какие избегала? Задерживалась ли в беседках или у фонтана? Любила ли она подолгу примерять наряды или делала выбор быстро, доверяя основную работу швейным мастерицам?

Я смутно представляю, как скрыть, что я самозванка. Разве что поскандалить, обидеться и уехать в загородную резиденцию. Но прямо сейчас, пока заговорщики на свободе, я не могу позволить себе роскошь праздности.

Глядя на крепкого, полного сил мужчину, я, странное дело, я искренне о нём беспокоюсь, как будто он мне родной, и ловлю себя на том, что раскрыть заговор я хочу не только ради своего комфорта, а прежде всего ради него, чтобы он жил. А ещё мне не нравится ни перечеркнувшая его лоб вертикальная морщинка, ни тени под глазами.

Но одновременно я не могу не думать о том, что импера-

тор любит дочь. Будучи самозванкой, я краду его любовь...

Нет, так можно забуриться в болото рефлексии и самоедства, ни к чему. Постепенно разберусь.

– Сир?

Пока я прятала ящера, император вызвал из приёмной своего огненно-рыжего секретаря.

– Срочный сбор всех Безликих без исключения.

– Есть, сир!

Сбор?

– Я могу присутствовать?

– Хорошо, Кресси, Кевин сообщит тебе время.

– Спасибо!

Удивляясь своему внезапному порыву, я перегибаюсь через стол и целую императора в щёку, совсем как утром, и мне бесконечно приятно видеть озарившую его лицо улыбку.

К себе в покои я возвращаюсь с чётким ощущением, что иду верным путём.

И в первой же комнате меня встречает стайка фрейлин. За время моей поездки они размножились почкованием? Откуда столько одетых в синее девиц? Пять, шесть... Считая фрейлину за моей спиной, их семь. И они окружают меня с насквозь фальшивыми улыбками, подхватывая друг за другом обрушивают на меня водопад сплетен.

С одной стороны полезно, с другой – я всё равно ничего не понимаю. Я жестом показываю им расступиться и предлагаю:

– Почему бы вам всем не отдохнуть?

Не знаю, разойдутся они или останутся караулить, сейчас я не готова думать ещё и о них.

Я прохожу анфиладу комнат, мимоходом отправляю служанку за обедом – прежде всего для ящера, но я и сама не прочь перекусить, успела проголодаться.

Пройдя в спальню, я сажаю Феликса на пуф и приказываю:

– Обернись в человека.

Спальню я выбрала местом действия по единственной причине – меньше шансов, что вломится кто-нибудь посторонний. В будуар фрейлины заходили свободно.

Феликс же, снова ничем не прикрытый, понимает ситуацию как-то очень по-своему и бросает дикий взгляд сначала на постель, а потом на меня.

Глава 5

Полыхнувший в его глазах гнев резко гаснет, во взгляде обречённость. Я вижу, как напрягаются мышцы. Феликс не в силах сбежать, пытается отстраниться от происходящего. И если наблюдать за его яркими эмоциями даже забавно, внезапно проснувшаяся во мне маленькая садистка ликует, то сейчас мне уже не весело.

– Принцесса, неужели? Вы приняли у меня полную клятву верности, чтобы заставить служить вам в постели?!

О, нет, зря я подумала, что Феликс сдулся. Под обречённостью всё та же жгучая злость.

– В твоих мечтах, – фыркаю я. – Мальчик, я понимаю, что тебя подземным мраком Тан-Дана контузило, но начини уже думать, ты умеешь, я видела. У нас тут заговор из всех щелей.

Феликс моргнул.

С меня он снова переводит взгляд на кровать и обратно на меня.

– Ваше высочество...

– Если этой ночью в сюда придёт убийца, я рассчитываю на твою защиту, Феликс, а развлекаться я могу и без твоего скромного участия. Стоит мне пальцем поманить, от претендентов отбоя не будет. Хотя, надо признать...

По тому, как опускаются его плечи, как раскрываются

стиснутые в кулак пальцы, я понимаю, что он расслабился, поверил, что я не собираюсь унижать его нарочно, и вообще я не в настроении развлекаться.

– Хотя, ваше высочество?

Я колебалась, стоит ли продолжать дразнить парня. Меня это здорово отвлекает, ведь про убийцу в ночи – это ни разу не шутка и не преувеличение. В роме Кресси была капризной пустышкой. Я, благодаря знанию ближайшего будущего, указала отцу на Безликого. И это не последнее моё вмешательство. Как только герцог осознает, что я стала опасна, а осознает он это в самое ближайшее время, он захочет от меня избавиться.

– Ты хорош собой. Я получаю... эстетическое удовольствие, – я, не торопясь, обхожу его по кругу и даже касаюсь плеча, ощущаю неожиданно нежную бархатистость кожи.

Пальцы соскальзывают на его ключицу, ниже.

Феликс издаёт гортанное шипение, точно растревоженный змей, отступает на шаг. Усмехнувшись, я разворачиваюсь спиной и ухожу к окну, даю ему время выдохнуть, привести мысли в порядок. И Феликс не разочаровывает.

Через пару минут я слышу его почти бесшумные шаги по ковру, я кожей ощущаю его приближение. Феликс останавливается в метре от меня. Молчит. Его судорожный вздох заставляет обернуться. Феликс смотрит не на меня, его взгляд прилип к окну. Он будто жадно впитывает открывшийся простор и солнечный свет. Я открываю створку и спускаю в

спальню свежий воздух.

– Мда, оборачиваться в ближайшее время тебе не стоит.

– Вы же хотели ручную ящерку, ваше высочество, – криво усмехается он, но я вижу в его глазах страх.

В романе рассказывалось, что представители рода Шесс проходят весьма, на мой взгляд, необычную инициацию. Они спускаются в подземелья, чаще естественные пещеры, но сгодятся и искусственные помещения, лишь бы было достаточно глубоко и темно. Чем дольше времени проведёшь в изоляции, тем сильнее станешь. Но если ты не выйдешь на свет вовремя, исчезнешь, станешь зверем.

Получается, когда-то Феликс уже проходил инициацию, иначе бы он не покрывался чешуёй. Кэтти ведь не умеет.

– Как только решу проблему с твоей одеждой, сможешь выйти.

Феликс встречается со мной взглядом, прижимает ладонь к груди и склоняется:

– Спасибо, что спасли, ваше высочество. Мне немного оставалось...

Не могу принять его благодарность:

– Мальчик, я спасаю себя. Скажи, кто я по-твоему в этой империи?

Если моё обращение ему и не нравится, он никак этого не показывает. Ответ на вопрос у него от зубов отскакивает:

– Вы принцесса Крессиды Небесная.

– Ха? В этой империи? Нет, мальчик. В этой империи я

любимая дочурка императора. Титулы и прочая мишура вторичны. Моё исключительное положение даёт мне папа, поэтому за папу я буду драться, а ты в этой драке мой первый солдат.

– Ваше высочество, какая пламенная речь, только я не понял, вы в своём эгоизме убеждаете меня или себя?

Настоящая Кресси ему бы залепила пощёчину, не меньше. Я же... Я не Кресси.

– Мальчик, ты слишком болтливый, – я упираюсь указательным пальцем ему в грудь, а затем легко щёлкаю по носу и отхожу в сторону.

Эх, даже царапину ногтем не прорисовываю.

Феликс послушно замолкает и отворачивается к окну. По сути Феликс сменил подземную клетку на просторные покои, но он по-прежнему заключённый, так что философские размышления оставляю ему, я же переключаюсь на насущное. Парня надо во что-то одеть, и ни набедренная повязка из простыни, ни мои шёлковые панталоны не годятся. То есть сгодились бы, если бы я решила держать Феликса в спальне, а наружу брать только в виде ящерицы, однако я уже вижу нехорошие признаки: чешуя уходит медленно, непредсказуемо проступает на коже без видимых причин, сам оборот весьма болезненный, особенно обратный. Я боюсь, что человеческое сознание в какой-то момент сломается, в романе был намёк на вред от частых прыжков туда-сюда. Не брать с собой, а просто оставить в спальне? Отказываться от допол-

нительной защиты непозволительная роскошь.

Насколько я могу доверять своей горничной? С одной стороны, кого попало император бы к дочери не допустил, с другой стороны, в романе заговорщики преуспели, то есть она вполне может оказаться шпионкой. Хм, но ведь она всё равно поймёт, что у меня кто-то завёлся?

Опять же, то, что я забрала Феликса не секрет. Вопрос лишь в том, расплзутся сведения быстро или медленно...

– Ваше высочество? – в дверь раздаются два быстрых удара и один после короткой паузы.

– Ваше высочество?! – шёпотом вторит Феликс.

Вот, так и есть: чешуя растеклась по телу, укрыла от макушки до пальцев ног..

Я глазами указываю на дверцу, ведущую в ванную комнату, и добавляю:

– Мальчик, тебе следует вспомнить про самоконтроль. Ты же не хочешь очешуется безвозвратно? Полагаю, за определённой чертой даже мой прямой приказ не поможет вернуться.

Феликс вовремя скрывается, в спальню входит горничная. Как и утром, она не дожидается разрешения, но держится уверенно, а значит подобная на первый взгляд бесцеремонность в порядке вещей.

– Обед подан в будуар, ваше высочество, – она склоняет голову.

Утром мне было не до разглядываний, я только обратила

внимание на форму, выдающую в девушке горничную.

Светленькая, но не блондинка, скорее пшенично-русая. Волосы аккуратно заправлены под чепчик, видны лишь прядки спереди и лезущая в глаза чёлка, которую давно пора подравнять. Лицо миловидное, юное, курносый нос придаёт облику задора, который совсем не вяжется с холодным оттенком голубого платья. Под моим пристальным изучающим взглядом горничная тушует, часто-часто хлопает глазами. Наверное, пугается, что я недовольна, но тем не менее глубокого страха я не вижу.

Я жестом показываю, что она может идти. Меня, наконец, осенило: незачем посылать за мужской одеждой личную горничную, когда скоро придёт папин помощник, нагружу его, он же и так в курсе обстоятельств.

– Ваше высочество, – мои размышления перебивает одна из фрейлин, – его высочество кронпринц Теорий просит вас его принять.

Старший брат?!

Я поспешно выхожу навстречу. Брат ожидает в гостиной, расположенной сразу после будуара, если считать от спальни.

Вылитый отец, только моложе и беззаботнее.

Как Кресси обращалась к старшему брату, я знаю из романа:

– Тери!

Широко улыбнувшись, брат подхватывает меня за талию, и в его руках я взлетаю чуть ли не к потолку. Гостиная враща-

ется перед глазами. Я заливаюсь смехом, как маленькая девочка, и ловлю себя на странной мысли. Передо мной незнакомый мужчина, которого я впервые вижу, но почему-то я испытываю необъяснимое доверие и про себя я сразу же называю его братом без капли внутреннего сопротивления. Это, конечно, хорошо, Тери насторожится, если я без причины начну зажиматься или стесняться, но всё равно странно.

И императора я в мыслях тоже уже считаю папой...

Сделав пару кругов, Тери опускает меня на пол:

– В детстве ты таскала у меня игрушечных солдатиков, а теперь живого заключённого увела. Отец рассказал.

Я бросаю взгляд на горничную. Она отошла к дальней стене, достаточно далеко, чтобы не слышать тихий разговор, но всё равно мне не нравится её присутствие:

– Можешь идти, – я дожидаюсь, пока горничная, поклонившись, послушно скроется за неприметной дверью, и с искренним интересом переспрашиваю. – У тебя?

В копиях документов, которые мне дал комендант, принц не упоминался, фигурировало имя дознавателя, не помню какого ранга.

– Я взял расследование на личный контроль, и, когда понял, что Феликс Дебор едва ли настоящий организатор, решил официально закрыть дело, а продолжить расследование тихо и своими силами. Это я распорядился отправить Дебора в Тан-Дан.

– А кто-то зашёл ещё дальше и отправил его на нижний

уровень Тан-Дана.

– Думаешь, мы поймали финансовое щупальце заговора? – посерьёзнул Тери.

– Хм, а у тебя есть другие предположения?

Тери приподнимает бровь. Видимо, со своим вопросом я попала впросак, но я не понимаю, что не так. Не дождавшись от меня реакции, Тери поясняет:

– Самое очевидное, Кресси. Род Шесс окончательно исчез с политической арены несколько веков назад, но тот, кто попытался убить Фелкса Дебора прекрасно знал, как действовать. Возможно, настоящая цель Безликого, окончательно пресечь линию Шесс?

Я на секунду задумываюсь. Звучит разумно, но:

– Тогда Кэтти Дебор давно бы устроили несчастный случай, но, насколько мне известно, она недавно прибыла в столицу. Она собирается посетить завтрашний турнир. Ха, кто её пропустит на трибуны без пригласительного? Пфф!

– Резонно. Я заберу Феликса Дебора в наши камеры.

Что-что?! Во-первых, убийцу не остановили стены твердыни Тан-Дана. Где гарантия, что дворцовых стен окажется достаточно. Во-вторых, Феликсу клетка противопоказана.

Уж не замешан ли старший принц? Но зачем ему?

Посмотрим...

– Тери... Разве папа не сказал, что Феликс принёс мне полную клятву верности? На допрос, так и быть, одолжу, и то, при ма-а-аленьком условии.

– Клятву?! Нет, не сказал. Кресси, зачем...? Он вор, контрабандист, и на его счету несколько жизней. Он ни разу не невинная жертва.

Именно поэтому в романе расследование младшего принца затянулось: он проверил несколько эпизодов, не связанных с продажей энергетических камней степнякам, и преступления подтвердились.

Что касается клятвы... Казалось бы, что проще – принять клятву верности у всех без исключения дворян, тогда предательство станет невозможно физически. Но император после коронации торжественно принимает обычные клятвы, пустые слова, которые ничем не связывают подданного. Разгадка в романе была: магическая клятва давит не только на вассала, но и на сюзерена. Чем ты сильнее, тем большую нагрузку можешь выдержать.

Принятие магической клятвы – это высочайшая честь, знак особого доверия.

– Он Шесс. А воровать с этого момента будет только то, что я разрешу.

Тери закашлялся. Наверное, представил меня, взламывающую чью-то сокровищницу.

– Если ты уверена... Какое условие, Кресси?

Полагаю, папа не только о клятве не сказал, но и вообще подробности опустил. Братик, крепись, тебя ждёт очередное потрясение:

– Обеспечь Феликса одеждой. Он ведь сейчас в моей

спальне без штанов.

Миг непонимания сменяется бездной изумления, а ещё мгновение спустя щёки Тери расцветают гневным румянцем. Брат сжимает кулаки и бросается в сторону моей спальни. Приходится ловить и гирькой повисать на шее.

– Как он смеет?! Убью без суда и следствия.

Логика, ау!

– Тери, но это я приказала.

– Кресси?!

Тери теряет запал, смотрит на меня и, по-моему, не узнаёт.

Чего и следовало ожидать. Я закатываю глаза:

– Если держать его ящерицей, то скоро мы и получим ящерицу. Зверушка полезная, но от человека толку больше. Поэтому, Тери, пусть кто-нибудь принесёт одежду? Не буду же я горничную развращать, а? И мундир, чтобы я могла таскать зверушку за собой. Что касается его преступлений... Тери, неужели я меньшее наказание?

Брат сперва прыскает, долгое мгновение он борется с собой и, проиграв, с хохотом утыкается мне в плечо. Я обнимаю его, жду, пока отсмеётся. Тери отстраняется далеко не сразу, вытирает, выступившие на глаза слёзы:

– Пожалуй, ты права, Кресси. Он действительно тобой наказан. Будет одежда, но я всё ещё хочу его допросить.

– Не буду мешать, – обещаю я и повышаю голос. – Мальчик, выходи!

Феликс выходит. Для меня фраза безобидная, но для парня она звучит приказом, который невозможно послушаться. В будущем надо быть осторожнее в словах...

В ванной комнате он не тратил времени зря, выбрал полотенце и обмотал вокруг бёдер. Если честно, не уверена, что вид стал приличнее, скорее, наоборот. Но куда больше меня волнует не соблюдение приличий, а полоски чешуи, так и не пропавшие. Может быть, после сна и отдыха пропадут?

– Развлекайтесь, – я подхватываю с тарелки пирожок и ухожу в соседнее помещение.

Дверь была открыта, так что я не ошибаюсь. Я нахожу свой рабочий кабинет. Или, правильнее сказать, кабинет, который должен быть рабочим. Он настолько стерильно чист, что не верится, что принцесса проводила в нём хоть сколько-то времени. Вместо стола бюро, изящно изогнутые ножки-соломинки вот-вот переломятся под тяжестью книг. На столешнице высится целая стопка. Судя по названию верхней – мне принесли книги, которые я утром заказала.

Я вольготно устраиваюсь, откусываю от пирожка. М-м-м.. ягодная начинка, сладкая, но не приторная, чувствуется фруктовый вкус, а сахара словно вообще нет – потрясающе! Я слизываю потёкшее варенье и в два укуса доедаю пирожок. Отряхнув пальцы от крошек, убеждаюсь, что не запачкаю страницы и принимаюсь за первую книгу. Читать я сейчас не буду, я, как нерадивая ученица, листаю в поисках картинок. В смысле – в поисках планов дворца и схем рас-

положения залов.

Краем глаза я поглядываю за происходящим в будуаре. Тери развернул стул и сел. Феликс в присутствии кронпринца без приглашения садиться не имеет права, а Тери, естественно, не пригласил, более того, нарочно занял позицию так, чтобы Феликс видел накрытый стол. Что же, в императорской семье не только Кресси маленькая зараза. Интересно, это мы в папу, в маму или в обоих родителей сразу?

Вмешиваться я не буду, мужчины сами разберутся. Тери ведь абсолютно прав – Феликс не белый и пушистый, несправедливо обиженный.

План дворца занимает целый разворот, я довольно легко нахожу боковое крыльцо и пляшу от него. На плане крыльцо называется ни много ни мало Восточным подъездом.

Я настолько увлекаюсь, что пропускаю приход папиного рыжего секретаря.

– Ваше высочество принцесса Крессида, его величество ждёт вас.

Безликие прибыли так быстро? В романе мгновенное перемещение не упоминалось.

Я отрываюсь от книги и спотыкаюсь взглядом о примостившегося на подоконник Феликса. Одетого. Затянутого в форменный мундир. Чёрный ему к лицу...

Тери нигде нет, обед остыл.

Это насколько же я выпала из реальности?! Зато план я готова повторить с закрытыми глазами! Одна бела – не все

помещения были обозначены подробно.

– Иду, – отвечаю я рыжему, а Феликсу киваю на накрытый стол. – Приятного аппетита.

Феликсу повезло: у него на обед блюда императорской кухни, а у меня – Безликий.

Феикс провожает меня задумчивым взглядом, но мне не до него. Мысленно я уже в кабинете наблюдаю за разоблачением предателя, однако проигнорировать переглядывания фрейлин, отирающихся в первой комнате, не получается. Почему они не ушли и что я опять сделала не так? Насчёт “не ушли” версия сама напрашивается: вероятно, им положено ожидать указаний с утра до вечера, и уйти они не имеют права даже с разрешения. Больше того, не удивлюсь, если две-три фрейлины ещё и ночью дежурят, на будущее нужно учесть. А вот почему они переглядывались? Я только появилась в сопровождении Рыжика, а они уже удивились. Одежда не в порядке? Хм, а ведь точно! Вторая половина дня, а я до сих пор в утреннем платье. Но не поворачивать же назад.

Я следую по коридору в сторону папиного кабинета, однако на полпути Рыжик меня останавливает:

– В Малый приёмный зал, ваше высочество.

А-а-а-а!

Какая же я молодец, что догадалась заказать книги. Я знаю куда идти!

Небрежно кивнув, я сворачиваю в галерею.

Безликие, семеро, ожидают перед приёмным залом. Тём-

ные плащи, на головы надвинуты капюшоны, а лица скрыты за масками. В ночи встретишь – поседеешь. Безликие приветствуют меня поклонами. Я киваю в ответ, но не задерживаюсь.

Рыжик впускает меня в зал, сам остаётся снаружи.

– Кресси.

– Папа.

Император сидит в кресле, установленном на небольшом возвышении, но при моём появлении встаёт. В его глазах при виде моего платья тоже мелькает удивление, но он ничего не говорит, лишь подаёт мне руку и ждёт, когда я займу второе кресло. Может, это даже троны?

– Кресси, не думаю, что предатель сможет причинить вред напрямую, но не беспокойся, меры приняты.

– Хорошо, – улыбаюсь я.

Двери открываются, и появляется Рыжик. Я понимаю, что его вызвал император, но и как в прошлый раз, не могу сообразить, как именно работает связь. В колокольчик император точно не тренькал.

Рыжему хватает кивка. Он приглашает в зал первого из семи Безликих и плотно закрывает дверь.

– Ваше императорское величество, – Безликий, дойдя до середины зала, по-рыцарски опускается на одно колено.

Папа царственно медлит с ответом, дожидается, пока Рыжик встает сбоку от коленопреклонного Безликого, достанет из внутреннего кармана свёрнутый в трубочку приказ, раз-

вернёт.

– Лорд, взгляните. Этот приказ отдали вы?

– Нет, ваше императорское величество!

– Когда вы последний раз были в Тан-Дане, лорд?

– Больше года назад, ваше величество.

– Благодарю, лорд.

Безликий поднимается и отступает к стене, а Рыжик приглашает следующего.

Солгать, связанные магической клятвой не смогут...

– Нет, ваше императорское величество, я не отдавал этот приказ.

– Нет, ваше величество, это не я.

Поначалу “промахи” меня не напрягают, нет никакой причины, чтобы предатель попался первым.

Четверо Безликих прямо и чётко заявили о своей непричастности, пятый. Осталось допросить двоих. Я невольно напрягаюсь. Сейчас решится.

– Нет, ваше величество, я не отдавал этот приказ.

Если не он, то последний оставшийся. Император вроде бы не меняется в лице, остаётся таким же царственным, отстранённо-безучастным, но я чувствую, как вокруг него сгущаются тучи. Сейчас полетит голова с плеч предателя. Возможно, в самом буквальном смысле слова.

Рыжик приглашает Безикого. Поразительно, с каким спокойствием предатель преклоняет колено.

Император не спешит бросаться обвинениями. Рыжик в

седьмой раз разворачивает свиток.

– Леди, – обращается к Безликому император.

Среди них есть женщины?!

– Ваше императорское величество.

– Леди, этот приказ отдали вы?

– Нет, ваше величество, не я.

Что?!

– Леди, когда вы последний раз посещали Тан-Дан?

– Ваше величество, мне никогда не доводилось бывать в Тан-Дане.

Но... а как так-то?!

Император касается моей руки и ободряюще сжимает пальцы. Если он и встревожен, то железный самоконтроль не позволяет эмоциям отразиться на лице. Глядя на него, я тоже стараюсь держать лицо, тем более прямо сейчас ничего опасного не происходит, всего лишь мои надежды на быстрое разоблачение предателя зашли в тупик.

Рыжик с поклоном возвращает документ. Ничего необычного, но у меня закрадывается подозрение: а что если Рыжик подменил приказ? Доступ к документам у него есть, он мог продемонстрировать что-то иное. Нет, не складывается, ведь император подстраховался вторым вопросом про Тан-Дан. Разве что приказ подписал настоящий Безликий, а вручил ряженный самозванец, но это такие параноидальные дебри, что лучше в них не зарываться. В любом случае, это не те мысли, которыми можно делиться публично.

– Занятно..., – император обводит Безликих взглядом. – Приказ есть, но его никто не отдавал.

Возможно, есть Безликий, считающийся погибшим? Звучит правдоподобнее...

– Ваше величество, смею предложить отправить герцога Майрайа с важной дипломатической миссией куда-нибудь подальше.

Император задумчиво смотрит на Безликого:

– Вы уверены, что без герцога заговор развалится, лорд? – в голосе тщательно скрываемая насмешка. – Может быть, высылка герцога помешает предателю и дальше наносить ущерб Короне?

– Ваше величество, я предлагаю отказать в доверии.

Отдельно слова понимаю, всё вместе – нет.

– Новых приказов не будет, да, – в обсуждение включается Рыжик. – Но я считаю недопустимым позволить предателю скрыться.

– Отказ в доверии решение излишне поспешное, но рациональное зерно в нём есть. Прямо сейчас мы лично проверим регалии.

Та-ак... Если я правильно поняла, Безлики предложил что-то вроде “сброса к заводским настройкам”. Коронация – ритуал в том числе и магический, а регалии являются древними и очень мощными артефактами. К моему большому сожалению, подробностей в романе не было, но и без этого понятно, что поводок клявы пристёгнут к артефакту. Без-

ликий верно сказал: если нельзя понять, какой из десятка поводков плохой, следует уничтожить все.

Рыжик, приняв на себя роль глашатая, громко объявляет:

– Лорды и леди, аудиенция его императорского величества окончена!

Должна ли я пойти следом? Сидеть, когда император встал, даже принцессе неприлично.

Император с улыбкой подаёт мне руку.

Безликие провожают нас поклонами.

– Что теперь? – спрашиваю я, как только мы оказываемся вне зоны их слышимости.

– Проверим регалии. Конечно, нельзя исключать, что есть способ обойти клятву, но я полагаю, что у нас появился неучтённый Безликий.

– Пап, каким образом? – хмурюсь я.

Они же не тараканы, чтоб самопроизвольно заводиться.

– Кресси? Императрица...

А?

Я с досадой прикусываю губу. Обыденное для настоящей Крессиды, для меня мрак. Я уже “сыплюсь”, чего стоит моя ошибка с утренним платьем. Как быстро окружающие поймут, что принцесса не в порядке? Как долго я продержусь?

Я не питаю иллюзий, сослаться на амнезию не получится – лекари быстро раскроют обман.

Взять на вооружение совет Безликого и самой сбежать с дипломатической миссией? Во-первых, кто мне позволит?

Во-вторых, как я брошу в беде свою семью? Понять бы ещё, почему я считаю семьёй двух посторонних мужчин...

Так, получается, что артефакт, делающий Безликих Безликими работает не только в руках императора? Если допустить, что императрица действительно воспользовалась регалиями, то у нас проблемы.

Император утягивает меня в неприметный альков. Хотя в коридоре мы были одни, нас даже Рыжик не пошёл сопровождать, император плотно задёргивает портьеру. Куда он нажимает, я не успеваю понять. Стена бесшумно расходится, и открывается потайной ход. Выглядит, как будто параллельно основному коридору тянется узкий дублёр. Здесь нет роскоши декора, каменная кладка обнажена, хорошо просматриваются стыки, швы, но тайный ход и не должен быть красивым.

По ощущениям, мы двигаемся в сторону кабинета, но могу ошибаться. Император останавливается, касается ничем не примечательного булыжника, легко надавливает, и камень словно проваливается. Открывается ещё один ход. Тайный коридор в тайном коридоре? Как матрёшка в матрёшке?

Мы попадаем на вершину винтовой лестницы, убегающей далеко вниз. В лучших традициях Сокровищница устроена под землёй. Может быть, я увижу набитые золотом сундуки?

Спускаться приходится довольно глубоко, и с каждым шагом ступеньки становятся всё круче и уже, а раскрошившаяся кромка намекает, что с момента создания лестница едва

ли видела ремонт, что весьма печально сказалось на её состоянии.

Внизу квадратная площадка, фактически, мы спустились на дно колодца. Император нажимает на стену, и открывается проход в сокровищницу.

Что могу сказать... Моя спальня из прошлой квартиры была просторнее. Я догадывалась, что сокровищница — это не бассейн, где вместо воды золото, но теснота комнаты неприятно удивляет. Как и пустота. Сундуки? Ни одного! Вдоль стен полукругом стоят разной высоты каменные постаменты, каждый накрыт синим бархатом и увенчан плоской подушкой с тяжёлыми золотыми кистями. Регалии возлежат на подушках, и их неожиданно много. Императорская корона, скипетр, держава, корона императрицы и ювелирный гарнитур, отдельно комплекты для наследного принца и старшей принцессы. Моё внимание привлекают книги и предметы, назначение которых я сходу не могу определить, здесь же лежит ритуальное оружие.

Я ловлю себя на том, что застыла в изумлении. Надо взять себя в руки, император же заметит странную реакцию, даром, что он ко мне спиной и рассматривает деревянную маску. Надо подойти ближе...

– Кресси!

Стопка книг разлетается, а нижняя взлетает к потолку и... обрушивается мне на голову.

А вместе с ней на меня обрушивается крошечная тьма.

В прошлой жизни я два или три раза падала в обморок, и больше всего потеря сознания походила на сон без видений.

Всё иначе.

Я словно ослепла. Сознание со мной, я вполне осознаю себя, а вот тело совершенно не чувствую. Я как будто парю в пустоте. Или снова стала бесплотным духом.

От удара по голове вполне можно умереть. Хах, я боялась выдать себя людям, но, похоже, бояться следовало древнюю магию.

Это даже смешно – я суток не продержалась.

Что теперь? Ещё одно перерождение? Не хо-чу... Я обхватываю себя руками. Материального тела нет, но внешность моя при мне, причём я отмечаю, что форма кистей у меня сейчас не принцессина.

Императора жалко... Ему придётся похоронить драгоценную дочь, так похожую на любимую жену? Хватит ли того, что я уже сделала, чтобы изменить историю? Я задаюсь вопросом, куда делась душа настоящей Кресси, но ответов как не было, так и нет.

Хочу домой, к Даше...

Впереди окружающая меня тьма меняется, я замечаю слабый огонёк. В пустоте хватает одного не до конца оформленного намерения, чтобы переместиться.

В темноте мерцает стекло, разделившее пространство надвое. По ту сторону от меня широкое ростовое зеркало в витой раме. Я вижу своё отражение, на мне та же одежда, что

была на мне в торговом центре.

Простым перерождением не пахнет...

Я пытаюсь попасть к зеркалу, но стеклянная преграда не пускает.

В зеркале появляется второе отражение – её высочество принцесса Крессида Небесная.

– Что...?

– Ты такая жалкая, – заявляет она.

Теперь я её вижу, она, точно также как я стоит перед зеркалом, но и от зеркала, и от меня её отделяет второе стекло. Как хорошо... Наличие стены, пусть и прозрачной, даёт мне иллюзию безопасности. При взгляде на подозрительно спокойную принцессу мне начинает казаться, что в происходящем она замешана напрямую, а значит, стоит готовиться к какой-нибудь гадости.

– Куда мне, простолюдинке, с тобой красотой соперничать, – усмехаюсь я.

Ещё на хватало спорить с избалованной эгоисткой.

– Внешне ты как раз весьма очаровательна, но эти тряпки, в которые ты замоталась, отвратительны. Где твоя осанка? Где чувство собственного достоинства?

Я её слушаю и ушам своим не верю:

– Девочка, ты это серьёзно? Мы висим чёрт знает где, происходит чёрт знает что, но тебя волнует мой внешний вид. Побеспокойся о своём, если уж на то пошло.

– А что о моём беспокоиться? – искренне удивляется

Кресси и самодовольно ухмыляется. — Он безупречен!

Она меня от чего-то отвлекает? Заговаривает мне зубы?

Может, правильное решение — держаться от зеркала подальше? Слово в ответ на мои мысли, зеркало подёргивается рябью, и проступает изображение.

— Даша! — я подаюсь вперёд, вжимаюсь в стекло.

Суток не прошло, почему она так постарела?! Горе способно разом накинуть десяток лет, но я не об этом. Даша не растолстела, но заметно набрала вес, особенно в груди прибавилось. Волосы отрасли, выкрашены в сочный рыжий, но у корней непрокрас. На вид ей... к тридцати.

Даша почему-то в халате, а интерьер больничный.

А ещё — изображение сфокусировано на Даше, фон размыт, и я не сразу замечаю — рядом с больничной кроватью две кроватки для новорожденных. В первой малыш спит, а во второй моргает и, кажется, смотрит прямо на меня.

— Да... двойняшки, красавицы-дочки, — Даша болтает по телефону.

— Уже решили, как назовёте?

— В честь тёти, и в честь мамы. Если бы она могла увидеть...

Я вижу. И вижу, что моя защита теперь окутывает не только Дашу, но и передалась обеим девочкам.

У Даши всё хорошо, она счастлива.

Надо же, в мою честь...

Только сейчас я по-настоящему осознаю, что моя жизнь

закончилась. Трагично, обидно рано, несправедливо – финал окончателен и обжалованию не подлежит. Мне до слёз жаль расставаться, но по крайней мере я могу уйти спокойно.

– Родные, будьте счастливы, – мне кажется, что названная моим именем малышка меня слышит.

Изображение тает.

Я всё ещё смотрю в зеркало, и я не сразу замечаю, что наши с принцессой отражения начинают меняться. В моём лице проступают её черты, в её – мои.

Она нарочно подловила меня на сердечной слабости?!

– Что ты творишь?!

Она склоняет голову к плечу, точь-в-точь, как обычно делала я:

– Ты жизнь положила ради своей племянницы. Я спасаю отца и братьев. Что тебя удивляет?

– Не за мой счёт!

Ради Даши я бы отдала жизнь, но это не значит, что я отдам душу ради чужого отца.

– А за чей же? – ухмыляется Крессида.

Мутная схема, я едва ли понимаю происходящее, но соотносительности, что меня ударила книга-артефакт, а попала я в мир романа, я могу, ну и принцесса демонстрирует уверенность, а значит, ситуацию контролирует или, как минимум, понимает. С её слов получается...

– Себя в жертву приноси! – зачем ещё ей могло потребо-

ваться выдернуть чужую душу, если не для жертвоприношения?!

Я не думаю, что мой выкрик внезапно разбудит её совесть, но эмоции рвутся — страх за себя.

Принцесса наблюдает за мной с насмешкой и любопытством, с которым наблюдают за забавной зверушкой в клетке.

— А я что, по-твоему, делаю? — серьёзно спрашивает Кресси и выражением лица становится очень похожей на папу.

— А?

— Тебе станет легче, если я исчезну?

О чём она?

— Послушай, я не хочу, чтобы ты исчезала, я хочу...

— Да-да? Что же ты хочешь?

Я бы сказала, что вернуться в свою прежнюю жизнь, но это не так. За несколько часов в мире романа в моём прежнем мире промелькнуло несколько лет. Тела давно нет... Я вспоминаю свои последние мгновения — принцесса к пожару не причастна, как и к тому, что я заблудилась в дыму.

Хочу спасти императорскую семью?

— Я...

— Позволь, я тебе помогу? Ты хочешь спасти папу и братьев, — она мои мысли читает?! — Ты не задумывалась, что посторонние мужчины воспринимаются родными, дорогими и близкими?

Стекло под пальцами плавится, истончается.

Я чувствую себя глупым мотыльком, летящим в огонь лампы, только меня заманивают не светом, а ответами на мучившие меня вопросы.

– Замечала, – только обдумать как следует не успела. – Это наведённое?

– Пфф! Ты забавная. Что ты знаешь о происхождении нашей династии?

– Ничего.

Принцесса горделиво поднимает голову:

– Мы прямые потомки богини судьбы.

У-у-у... Своё мнение лучше оставить при себе.

Не то, чтобы я отрицала саму возможность существования богов, но из древней истории я помню, что у многих народов было принято вести родословную от небожителей и великих героев, ничего нового.

– Нехило, – пожимаю я плечами.

– Наш род, как и многие другие древние рода, вырождается. Мы теряем наше божественное наследие.

– К чему всё это?

Стекло истончилось и полностью исчезло, но принцесса не делает попыток сблизиться, как стояла в позе владычицы мира, так и стоит, кривит губы в насмешливой улыбке. Я бросаю тревожный взгляд в зеркало и делаю несколько шагов в сторону, так, чтобы перестать отражаться, но моё отражение не только не исчезает, но и сдвигается ближе к отражению принцессы, черты лица смешиваются ещё больше,

очень скоро зеркало начнёт показывать близняшек.

Может, разбить его? Но как, если я бесплотный призрак?

– Ты права, моя теория насчёт причин вырождения сейчас не имеет значения. Важно иное. Есть способы разбудить спящие способности.

То, что она говорит про императорский род, очень похоже на то, то я читала про род Шесс. Былое величие угасло, инициация смертельно опасна.

– И ты разбудила? – догадываюсь я.

– Крохи, но я смогла открыть Книгу судьбы и прочитать несколько страниц. Прочитанное мне о-очень не понравилось. Если ничего не предпринять, то в течение двух-трёх лет наш род будет полностью уничтожен.

– Я до сих пор не понимаю, каким боком здесь я.

– В хрониках работа с книгой судьбы описывалась весьма просто: читай и меняй, всё, что тебе не нравится. Например, сватается к тебе принц соседнего королевства, а ты из книги узнаёшь, что будешь с ним глубоко несчастна и бездетна. Достаточно отказать, и будущее полностью изменится.

– Гладко было на бумаге, но забыли про овраги, да?

Кресси на миг задумывается, осмысляет фразу и с усмешкой, то теперь она насмехается, я уверена, над собой, кивает:

– Листать Книгу судьбы, чтобы узнать прогноз погоды, не получится. Чтение отнимает очень много сил. Сказать, что оно убивает, не преувеличение. В хрониках описывается, что хранительница Книги, за редчайшим исключением,

не читала судьбу чаще раза в год, подготовка к церемонии занимала целый месяц, а после хранительница восстанавливалась не меньше двух. Я тоже готовилась, но... Я умерла и отправилась на перерождение, родилась младенцем без памяти о прошлом, выросла в самой обычной семье со старшей сестрой, поддерживавшей меня, когда не стало наших родителей, а потом сестра погибла в аварии вместе с мужем. Конечно, я не могла бросить её дочку, Дашу.

– А?!

– Новая жизнь получилась короткой, я не оставила прямых потомков, но зато я дала счастливое будущее Даше и её дочкам, что, согласишься, здорово. У некоторых родовых артефактов есть мощные целительные свойства, жизнь вернулась в тело, а следом и душа, но уже с новой памятью.

– Бред!

– Почему? – удивляется Кресси.

– Потому что нас тут двое. И вообще, не сходится. Если ты умерла во время чтения, то почему я очнулась не в сокровищнице, не за столом или где ты читала, а в спальне под одеялом? Опять же, книга. В моём мире ты была второстепенной героиней романа о любви принца Олиса и горничной.

– Да нет же, ты тут одна, просто потоки времени в двух мирах текут с разной скоростью, а здесь и вовсе Безвременье. Олиса при мне не упоминай, – кривится принцесса. – Что касается романа, то ты с кем-нибудь обсуждала сюжет? Я ведь умерла с открытой книгой. Полагаю, магия дотяну-

лась до меня накануне моей второй смерти. То есть для всех в книге был один текст, а я видела совершенно другой. Почему главной героине была горничная, не представляю. Либо она чем-то важна, либо текст неполный, искажённый, да что угодно.

– И что дальше?

– Ничего... Постарайся вспомнить, как ты оказалась в постели, и тогда я окончательно исчезну.

– Исчезнешь?!

– Конечно, ведь я прошлое, а ты – будущее. Не смотри на меня так, я не пропаду, ведь в конечном счёте мы одно целое.

В зеркале наши отражения наложились друг на друга и постепенно сливаются.

Как я оказалась в постели?

Я очнулась на полу сокровищницы. Помню головную боль, от которой хотелось лезть на стену, и слабость. Кое-как поднявшись, я вернула книгу на место, выбралась из сокровищницы, но упала там же, в колодце, на нижних ступеньках винтовой лестницы. Мне было очень плохо, около часа я лежала пластом, но потом сумела подняться, ползком добраться до вершины. Я прошла по тайным коридорам и через потайной ход выбралась прямиком в спальню, на остатках воли добралась до кровати, заползла под одеяло и отключилась.

Задумавшись, я упускаю Кресси из виду. Когда я поднимаю глаза, её больше нет, а в зеркале только одно отражение.

– Кесси, – слышу я папин голос, полный страха.

Я вдруг вспоминаю, как папа точно также испугался, когда в детстве я тайком забралась на лошадь, упала с неё и ударилась головой.

Но это же воспоминания не мои, а Крессиды!

Отражение, показывавшее лицо, слитое из двух, стремительно меняется, возвращается облик Кресси. Я поднимаю к лицу руку, кисть тоже стала принцессина.

Зеркало разлетается осколками.

Миг кромешной тьмы.

– Папа?

– Кресси, как же ты меня напугала! – император шумно выдыхает.

– Прости...

Голова снова болит, во рту сухо, как в пустыне. Я кое-как приподнимаюсь.

Ага...

Я на полу в сокровищнице, под головой бархатная подушка, сдёрнутая с ближайшего постамента, Книга мирно лежит в стороне, папа рядом со мной, стоит на коленях, бледен.

– Как ты, дочка?

– Думаю, выгляжу хуже, чем есть на самом деле, пап. Знаешь, я кажется, что-то уловила из Книги. Про заговор и смерть.

Я медленно сажусь, оглядываю случившийся в сокровищнице небольшой погром и останавливаю взгляд на маске:

– Что-то удалось выяснить?

Глава 6

– Ты действительно в порядке, Кресси?

– В порядке.

Я прислушиваюсь к себе. Пить хочется, и голова гудит, но не кружится, так что я рискую подняться. На всякий случай придерживаюсь за ближайший постамент. Вроде бы не падаю... Не спуская с меня глаз, император быстро наводит порядок. С особой осторожностью он поднимает Книгу судьбы, но артефакт больше не буянит и не дерётся. Обложка плотно схлопнута – не открыть.

– Правильно прашуры отказались от Книги.

Я усмехаюсь:

– Отказались? Пфф, да им просто сил не хватало.

– По крайней мере никого до тебя Книга не била.

А вот это обидно... Признаться, что сведения из Книги я получила не сейчас, а раньше, я точно не собираюсь.

Я пожимаю плечами и возвращаюсь к интересующей меня теме:

– Что насчёт Безликих?

– Один неучтённый, появился не больше полугода назад.

Принять клятву могла императрица, но я не представляю, как она попала в сокровищницу. Допустим, она выяснила, как попасть в коридор, но найти лестницу нереально. Лорд-хранитель регалий предал? Остальные артефакты на первый

взгляд нетронуты.

– Хорошо-о-о...

– Кресси, никаких самостоятельных расследований.

Если бы я могла, я бы просто открыла Книгу и прочитала имя Безликого, но, увы. Второй раз ожить не получится. Да и можно ли считать, что я ожила, если смерть была самой настоящей и сейчас я осознаю себя больше попаданкой, нежели Крессидой.

– Конечно, пап. Ничего опасного. Прямо сейчас я пойду отдыхать, хорошо?

– Кресси?

– Что? Я пытаюсь быть сознательной.

– Хорошо-хорошо, – смеётся император.

Я неопределённо хмыкаю.

Прямо сейчас больше я ничего узнать не могу, а поисками неучтённого Безликого пусть занимаются те, кто умеют искать. Я не солгала – играть в детектива я не намерена.

По лестнице мы поднимаемся с папой вместе, а вот дальше расходимся. Он – по своим императорским делам, а я – обратно в покои. Как бы я ни уверяла, что я в порядке, во рту сухо, а голова раскалывается. Мне надо перекусить, выпить крепкого чаю и лечь. Или выйти в сад проветриться – я вспомнила маршрут. По крайней мере, после удара в лоб мне больше не грозит заблудиться во дворце.

Я, чтобы не идти в обход через анфиладу залов, сворачиваю в открытую продуваемую ветрами галерею. Унылая,

оваянная нехорошей славой — обычно галерея безлюдна.

Говорят, ночами здесь бродит призрак служанки, повесившейся из-за несчастной любви. Некоторые утверждают, что время от времени на третьей арке появляется обрывок верёвки без петли... Ага, появляется — Олис вешает. Он ещё в детстве облюбовал выступ угловой башни, когда прятался от строгой гувернантки и не менее строгих преподавателей, общее образование он получил наравне с нами.

Этот же закуток облюбовала главная героиня вскоре после получения места горничной — в башне она с Олисом и столкнулись. Испугались оба... Хах, главная героиня. Вспомнила, что на самом деле никакого фэнтези романа не было, но всё равно мысленно продолжаю называть её персонажем.

Олиса я как-нибудь переживу, а её видеть я точно не в настроении.

К счастью, можно не сомневаться, что девочка гнёт спину драя полы или в поте лица развешивает обновлённые гардины — в романе чётко говорилось, что накануне турнира слуги закончили работать глубокой ночью.

— Ваше высочество, но если старшая горничная пожалуется, меня уволят.

— Мими, я предупрежу её, чтобы не говорила лишнего, не бойся. Я соскучился...

Я останавливаюсь как вкопанная.

Рейзан Судьбоносная, это шутка? Ты издеваешься? И... с

какой стати горничная отлынивает, когда все в запарке и на счету каждая пара рук?!

А ведь если подумать, в романе главная героиня тоже частенько сбегала с работы, а от наказания её защищал Олис, и в этом свете моё недовольство ленивой служанкой не такое уж несправедливое, верно? Но сейчас это не имеет значения. Я просто должна решить, что делать.

Проще всего развернуться и обойти галерею по широкой дуге. Но, императорская принцесса, сбегающая от поломойки — что это за шутка такая?! Придётся как ни в чём ни бывало идти вперёд и... учинить младшему братику пару неприятных минут. Насколько злобной мне следует быть?

Моё прежнее поведение больше не кажется мне правильным, однако менять привычки на ходу, без тщательного размышления, глупо.

Так не хочется попадаться младшему на глаза... Но если я пройду мимо, он всё равно меня заметит, игнорировать не вариант.

Два шага вперёд.

— Оу-у-у.... — громко усмехаюсь я.

Олис упирается ладонями в стену по обеим сторонам от лица девицы, а она жеманно отворачивается, прикрывая белоснежным кружевным платком нижнюю часть лица. И глазами стреляет.

Стреляла, идиллию я ликвидировала.

Что не так с этой горничной? Текст в Книге судьбы был

сухой и пресованный. Я осилила меньше страницы, но этого хватило, чтобы выяснить главное — на грани гибели весь наш род. А вот второй раз, когда я читала будущее под видом любовного романа, речь шла почему-то именно о служанке.

В ней нет ничего особенного, но почему она настолько важна, что Книга даже её биографию выдала? Девочка из семьи провинциального чиновника, получила блестящее образование и могла бы составить счастье мелкого аристократа, но осталась сиротой и попала под опеку дальних родственников, а они, прикарманив наследство, под видом заботы пристроили её работать во Дворец.

— Принцесса Крессидида, — Олис молниеносно разворачивается, что выдаёт в нём неплохого бойца, и словно невзначай прикрывает девицу собой.

— Какое унылое зрелище... Принц Олис, вы удерживаете здесь горничную, чтобы затруднить подготовку к турниру?

Мне стоит её уволить, забрать к себе или пока не трогать?

— Принцесса Крессидида, вы преувеличиваете.

— Хм? Кажется, я преуменьшаю. Деточка совершенно не понимает, где находится и чей разговор слушает. Может быть, она считает, что согревание постели принца избавляет её от необходимости приветствовать императорскую принцессу?

Обвинение в неуважении будет абсолютно обоснованным. Я могла бы избавиться от проблемной героини по закону, но... Но утешусь тем, что сперва следует разобраться, поче-

му Книга рассказывала мне про неё.

Горничная запоздало кланяется, а до этого даже не шелохнулась.

– Принцесса Крессида, девочка не хотела вас оскорбить. Ваше появление настолько неожиданно, что девочка растерялась.

– О?! Так, по вашему мнению, я виновата? Как мило, – знаком я показываю героине уйти, и она бросается прочь.

– Я не это имел в виду, ваше высочество, – спокойно отвечает Олис, когда её топот стихает.

Я прищуриваюсь:

– Эта девочка... неужели она настолько вам небезразлична, что вы защищаете её передо мной? Занятно.

– Ваше высочество принцесса Крессида, если вы злитесь, обрушьте гнев на меня, но, пожалуйста, не нужно нападать на слабых и беззащитных сирот.

Вот вроде бы правильные слова говорит, красивые. Но разве я сейчас нападала на горничную? Я упрекнула её за дело – за прогул и за отсутствие поклона. Даже необученная этикету крестьянка знает, что со старостой следует поздороваться.

Горничную я отослала и продолжаю разговор с принцем. Но он чудесным образом обвиняет меня в том, что я жестоко обидела деточку.

Хм...

В романе принц примкнул к заговорщикам после убий-

ства императрицы, однако сцены, где он действительно отказывается от соучастия не было! Был лишь разговор между ним и главной героине. А кто сказал, что он не врал? Когда я читала, я верила, потому что мне нравилось исключительное благородство Олиса. Однако теперь я в замешательстве. Вдруг Олис на самом деле влез в заговор по самые уши, а о непричастности красиво врал? В этом случае убийство императрицы теряет смысл... Может, её убили не с целью спровоцировать Олиса, а как свидетеля? Но так можно до чего угодно додуматься, до любого бреда. Например, до того, что убийство было с его согласия и одобрения.

Я смотрю Олису в глаза.

В детстве мне эгоистично казалось, что сын посторонней женщины не имеет права быть сыном нашего отца, быть нашим братом. В глубине души я считала их с императрицей настоящими ворами, и некому было объяснить, некому было дать выход моей боли. Потеря до сих пор саднит, хотя я научилась жить, не замечая рану.

Винить ребёнка в том, что от него не зависит – отвратительно. Меня внутренне передёргивает.

Но чтобы понять ошибку мне понадобилось умереть и прожить жизнь простолюдинки.

– Неужели у меня есть повод для гнева? – хмыкаю я. –

Принц, на правах старшей сестрёнки я дам вам добрый совет. Позаботьтесь, чтобы дорогие вам люди хорошо осознавали своё место и правила. Только представьте. Если бы та

девочка отказалась уважать императорскую династию при свидетелях, её ждала бы казнь. Ужасная трагедия.

– Я буду внимательно следовать вашему совету, ваше высочество. Благодарю.

Олис отвечает ровно, без капли эмоций. Он похож на механическую куклу. То ли я ему настолько неприятна, что он полностью отстраняется от общения, то ли он идеально владеет собой, то ли судьба главной героини его не трогает. Не понимаю...

В одном уверена – как сестру он меня никогда не примет. Впрочем, и ни к чему. Хотя я больше не испытываю к нему ненависти, сблизиться я не хочу. Чем дальше друг от друга мы будем, тем лучше. Лишь бы разойтись миром.

Я отворачиваюсь и прохожу мимо. Я не оборачиваюсь, но спиной ощущаю сверлящий взгляд между лопатками. Кажется, я удивила Олиса.

Я возвращаюсь к себе. Толкущихся в первой комнате фрейлин игнорирую, служанку посылаю за чаем и пирожками, а в будуаре натыкаюсь на Феликса.

– Подай мне воды, – я падаю в ближайшее кресло.

На галерее, на открытом воздухе, мне было легче, а сейчас голова снова разболелась. В результате просьба получилась грубой, но... могу себе позволить.

Феликс наливает из серебряного графина и послушно протягивает стакан без тени недовольства.

– Ваше высочество.

– Спасибо.

Феликс выгибает бровь, но ничего не говорит, чему я бесконечно рада.

Перекусив, я падаю в постель без сил.

Мне бы полчаса подремать, затем я встану, пойду в свой рабочий кабинет. Не тот, который примыкает к будуару, а в настоящий рабочий кабинет...

Я закрываю глаза всего на минуту, но мне не дают и её. В черноту моего сна ввинчивается голос служанки:

– Ваше высочество, пожалуйста, просыпайтесь! Ваше высочество, вы опоздаете на турнир.

– Турнир завтра, – отмахиваюсь я и пытаюсь накрыться одеялом с головой. – Я ещё чуть-чуть.

– Семь утра, ваше высочество!

Я рывком сажусь. Я проспала всю ночь?! Надо признать, чувствую я себя отдохнувшей и посвежевшей.

– Две минуты, – я провожу ладонью по лицу, мне надо собраться с мыслями.

Как быстро наступил новый день... Сегодня я должна успеть: найти сестру Феликса, благо я знаю, где она сегодня будет, выбрать чёрного рыцаря, присутствовать на турнире и провести церемонию Лазурной ленты. И, в идеале, сегодня же следует забрать легендарную броню. Ха-а-а...

Глава 7

– Строгое утреннее платье, – приказываю я тоном, не терпящим возражений.

Горничная смотрит на меня с откровенным сомнением, но спрашивать что-либо не решается, а приказ подготовить платье для церемонии её и вовсе успокаивает.

Завтрак я проглатываю в компании Феликса, мысленно отмечаю, что надо как-то решать проблему. Вчера он получил мой обед, но, из-за того, что я уснула, остался без ужина. Нельзя, чтобы он в еде настолько зависел от меня, но пока проблему терпит, главное, не забыть.

– Ваше высочество? – Феликс откладывает приборы и встаёт сразу, как только я прекращаю завтрак и поднимаюсь из-за стола.

– Сопровождаешь, – коротко бросаю я.

Больше Феликс ни о чём не спрашивает, На миг в глазах мелькает облегчение – наверное, боялся, что я снова запроу его в образе карманной ящерицы.

Я направляюсь к дверям и сходу задаю весьма быстрый темп. Феликс едва успевает обгонять меня, чтобы распахивать очередные створки. Идти-то он обязан за мной... Раньше на подобные мелочи я бы и внимания не обратила, воспринимала, как само собой разумеющееся. Сейчас? Пожалуй, тоже. Отказ принимать уважение к статусу равноценен

отказу от самого статуса. Проще говоря, игры в демократию оканчиваются свержением королевской власти, а я и в прошлой жизни была убеждённой монархисткой и всей душой приветствовала бы восстановление дома Романовых.

Фрейлины приветствуют меня реверансами.

– Доброе утро, – улыбаюсь я.

– Доброе утро, ваше высочество!

– Чудесно выглядите, ваше высочество, – раздаётся нестройный хор.

Фрейлины с любопытством постреливают глазками на застывшего за моим плечом Феликса. В мундире он особенно хорош...

– Вчерашние книги вернуть в библиотеку и проследить за подготовкой моего наряда, – выдаю я указания и прохожу вперёд. Что следовать за мной не нужно, я показываю лёгким взмахом руки.

Как же хорошо обрести потерянную память...

Идти довольно далеко – сперва через половину дворца к выходу в сад, затем через весь сад, в обход трибун, ненамного уступающих размерами дворцу.

Время...

Я катастрофически опаздываю. К началу турнира мне точно не успеть.

Но я иду вперёд, стараюсь держать темп и контролировать дыхание. Не хватало ещё прослыть загнанной кобылой или простыть – меня угораздило не взять накидку. Хм, а недавно

бы я обвинила горничную. Но ведь она не знала, что я рвану на улицу.

Въезд для высшей аристократии отдельный. В романе не говорилось, где именно будет Кэтти, но логика подсказывает, что у прохода для простых гостей ей ловить некого, она же за справедливостью приехала.

ТЬФУ!

Кованые ворота, калитки, естественно, нет – аристократы прибывают в экипажах. То, что я явилась пешком... Мда, перерождение сказывается. Но ждать, пока мне подадут карету, чтобы в объезд черепашей скоростью тащиться ко входу мне показалось безумием.

Я расправляю плечи и выхожу на середину подъездной дороги. Мне везёт – на дороге никого, всё-таки ещё довольно рано.

Караульные замечают моё приближение.

Вперёд выходит старший, склоняется в приветственном поклоне.

– Доброе утро, – лениво отвечаю я и резко меняю тон на приказной. – Пропустить.

– Ваше высочество? – офицер недоумённо моргает, но подчиняется.

По его знаку караульные распахивают ворота.

И, надо же, именно в этот момент по ту сторону появляется экипаж, медленно ползущий, получается, прямо на меня.

Мысленно ругнувшись, я спокойно иду навстречу. Не

факт, что кучер знает меня в лицо, но я рассчитываю на гвардейцев, и они, выучка сказывается, реагируют, как нужно: выходят сразу двое, замирают по обеим сторонам проезжей части, по центру которой я иду как по пешеходному бульвару. При необходимости гвардейцы перехватят лошадей, но кучер без лишних понуканий натягивает повод, карета резко останавливается. Кого-то внутри тряхнуло как кильку в банке.

Я останавливаюсь в воротах, обвожу взглядом улицу. Я понятия не имею, как выглядит Кэтти, но я не думаю, что увижу толпу девиц. В любом случае со мной Феликс, сестру опознает. Проблема в том, что Кэтти... нет.

Она ещё не пришла?

Могу ошибаться, но в романе, в разговоре с главной героиней, она уверяет, что ждала с рассвета. Ложь? Преувеличение? Или дело в том, что гвардейцы её отогнали? Надо спросить...

– Господи-и-и-ин! – раздаётся отчаянный визг.

Из-за ближайшего здания выскакивает песочная тень – шаль на девушке надувается парусом.

– Кэтти, – выдыхает Феликс.

– Стоять, – приказываю я.

Очень хорошо понимаю, как ему хочется броситься к сестре, обнять, утешить, но на глазах публики мчаться вперёд, демонстрируя мне свои тылы – нет, не позволю.

Я нахожу взглядом ближайшего гвардейца:

– Офицер, приведите ко мне ту шумную девушку.

– В-ваше высочество? – моргает он, но в себя приходит мгновенно. – Есть!

Попятившись, офицер оставляет между нами достаточное расстояние, и только после этого поворачивается лицом к карете, но даже так, ко мне он держится полубоком, но не спиной.

– Кэтти...

Первым на девочку реагирует чёрный рыцарь гостя. Он спрыгивает с запяток кареты и одновременно выхватывает меч. К счастью, рыцарь не настолько отбитый, чтобы убивать перед дворцом, он просто заслоняет собой дверцу кареты, а меч наставляет на Кэтти. Издали не понять, остриё клинка упирается ей в шею или есть небольшой зазор.

Кэтти больше не пытается прорваться к экипажу, она безобидно опускается на мостовую:

– Господи-и-ин, справедливости для ложно осуждённого!

– Кто смеет обнажать оружие в присутствии её высочества императорской принцессы Крессиды Небесной?!

Ох, я попала.

Чужой рыцарь замечает меня, стоящую в воротах, поспешно прячет меч и опускается на одно колено. Кучер спрыгивает с облучка. Вроде бы низко кланяется, а на деле прячется за крупами лошадей.

– Принцесса? – Кэтти поворачивается ко мне как зачарованная.

Лишь бы про брата не ляпнула.

Я понимаю, что я забираю её открыто, но одно дело в свидетелях несколько гвардейцев и другое — целая сцена на глазах у высшего аристократа. Кстати, кто-там прикатил так невовремя? Герб на карете рода Дьянко.

Словно отвечая на мои мысли, дверца распахивается, и на мостовую спрыгивает молодой лорд Вилли Дьянко, наследник главной ветви.

— Ваше высочество! — восклицает он и устремляется ко мне.

— Господин! — опомнившись, Кэтти пытается схватить его то ли за полу плаща, то ли за брючину.

Офицер успевает перехватить её руку, помогает Кэтти подняться и, как я и хотела, ведёт ко мне.

Но сперва придётся иметь дело с молодым лордом.

— Ваше высочество, какая удивительная встреча! — он склоняется передо мной.

— Действительно, удивительная, лорд, — соглашаюсь я, тем самым разрешая ему выпрямиться. — Не ожидала, что гости турнира начнут прибывать так рано.

Что ты здесь забыл на мою голову, а?

Но, как бы я ни была зла, я приветливо улыбаюсь.

— О, ваше высочество, мне не так часто выпадает удача посещать дворец. Я хотел воспользоваться шансом и прикоснуться к уникальному собранию книг императорской библиотеки.

– Ах вот как? В таком случае продолжайте путь, лорд. Было бы обидно упустить редкий шанс, – я вежливо прощаюсь.

Род Дьянко веками преданно служил Короне. Богатый, с глубокими корнями... Помнится, когда я была маленькой, ходили слухи, что император выдаст меня за юного наследника, чтобы не отпускать в чужую страну. Что за абсурд? Сплетни поутихли, когда род сдал позиции, но даже сейчас юный наследник Дьянко не тот, кем я могу пренебрегать без веской причины.

Хорошо, хоть про нашу возможную свадьбу больше не вспоминают...

– В-ваше высочество? – растерянно переспрашивает мой несостоявшийся жених.

– Желаю хорошо провести время в библиотеке, лорд Дьянко, – я говорю с нейтральной интонацией, но фраза почему-то всё равно звучит как насмешка.

Ладно, не важно. Приличия я соблюла, упрекнуть меня не в чем, так что я собой довольна.

Приказав Кэтти не отставать, я больше не теряю ни минуты. Я помню, что катастрофически опаздываю, и именно поэтому на Кэтти я не обращаю ни малейшего внимания, однако краем глаза за её поведением всё же слежу, и надо отдать Кэтти должное, она сдержала порыв, не завизжала, не бросилась Феликсу на шею и вообще молчит, будто воды в рот набрала.

Счастьем Кэтти светится как маленькое солнышко.

Я прибавляю шаг.

На ходу я размышляю, под каким соусом оставить Кэтти при себе. Служанкой? Строго говоря, она леди Шесс и низводить её до полоймойки неправильно. С другой стороны, она жила как обычная горожанка, и я опасюсь, что роль фрейлины ей не по зубам.

Может, сперва девочку одеть, причесать и проверить на знание основ придворного этикета?

Грубо нарушая этот самый этикет, я избегаю по лестнице на второй этаж, благо зрителей нет. Только вот насчёт их отсутствия я жестоко ошибаюсь.

У меня внутри всё обрывается, когда я натыкаюсь на бычару. По иному крупного варвара, абсолютно лысого, с лицом, перечёркнутым шрамом и не назвать. На груди распахнутая жилетка из грубо выделанной шкуры, поверх тёмного меха и вычерненной солнцем обнажённой кожи белеет ожерелье – три ряда чуть желтоватых клыков. Простые штаны, выдавшие виды сапоги, и из-за голенища выглядывает рукоять. Ему действительно позволили войти во дворец с оружием?

В романе говорилось, что договор со степняками подпишет Олис, но не было ни слова о том, когда именно хан степняков прибыл на переговоры. И хан ли передо мной? Так, про посольство степняков я слышала краем уха от Тери. То ли то, что они придут, то ли то, что они уже здесь. Тери сказал, что им выделили резиденцию с большим внутренним

двором. Как знак уважения, но на деле – чтобы степняки сидели за стенами резиденции, как волки за решёткой вольера.

Тогда что они делают во дворце? Прибыли на турнир? Очевидно, что да, но это как-то странно. Степняки бьются до смерти, а поединки с жёстким регламентом презируют.

За плечом варвара маячит ещё один борец-гора, но всё же менее массивный.

Я чуть замедляю шаг, расправляю плечи. Хотя внутри всё скручивает от страха, я не позволяю ему отразиться на лице, уговариваю себя, что прямо сейчас варвар не посмеет меня тронуть, тем более при свидетелях, что здесь и сейчас я не бесправная наложница, а императорская принцесса и любимая дочь его величества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.